

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

HUMANITARIAN ACCENT

№1

Scientific quarterly

Moscow 2019

ГУМАНИТАРНЫЙ АКЦЕНТ
№1

Ежеквартальный научный журнал

Москва 2019

Редакционный совет

А.Б. Безбородов, д-р ист. наук, проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. наук, проф.; Н.И. Басовская, д-р ист. наук, проф.;
Л.Н. Вдовиченко, д-р социол. наук, проф.; В.Д. Губин, д-р филос. наук, проф.;
доктор Гудрун Ершов (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия);
В.И. Заботкина, д-р филол. наук, проф.; Г.И. Зверева, д-р ист. наук, проф.;
И.И. Исаев, канд. филол. наук, доц.; В.А. Колотаев, д-р филол. наук, проф.;
Н.Л. Лепе, канд. физ.-мат. наук, доц.; А.П. Логунов, д-р ист. наук, проф.;
Б.И. Медведев, канд. экон. наук, доц.; С.Ю. Неклюдов, д-р филол. наук, проф.;
О.В. Павленко, канд. ист. наук, доц.; Н.В. Ростиславлева, д-р ист. наук, проф.;
И.С. Смирнов, канд. филол. наук; А.А. Столяров, канд. ист. наук, доц.;
П.П. Шкаренков, д-р ист. наук, проф.

Редакционная коллегия

Е.Л. Чернова, гл. ред., канд. ист. наук;
Я.О. Зубов, зам. гл. ред., канд. экон. наук, доц.;
Е.В. Колесникова; М.Б. Коношенко, канд. филол. наук;
И.С. Курилович, канд. филос. наук; Е.П. Охалкина;
И.Е. Печенкин, канд. искусствоведения, доц.; А.А. Селезнев

Ответственные за выпуск:

И.А. Газиева, доц.
Л.А. Печищева, канд. ист. наук, доц.
Н.А. Филин, канд. ист. наук, доц.

СОДЕРЖАНИЕ

Политики и общество: эволюция религиозного рационализма

<i>С.Ю. Фахми</i> Ислам в политике Гамалы Абдель Насера	9
<i>М.Ю. Нижник</i> Маронитская община Ливана на начальном этапе арабо-израильского конфликта	14
<i>Д.А. Чубаров</i> Сообщения арабо-мусульманских источников об Иерусалимском королевстве 1099–1148 гг. в контексте межкультурной коммуникации	21
Мода, музыка и поликультурная среда: пути конструирования идентичности	
<i>Е.В. Лобашова</i> Мода как элемент идентичности в Африке	26
<i>М.С. Осипова</i> Фанк кариока как инструмент сопротивления и конструирования идентичности молодежи бразильских фавел	32
<i>А.С. Иванов</i> Музыкальный аспект западной культуры в Исламской Республике Иран в условиях главенствующего политического режима	38
<i>Н.А. Панин</i> Национальная идентичность африканеров: переосмысление в контексте поликультурной среды пост-апартеидной ЮАР	44

Между реформами и традициями:
тенденции развития медицины и образования

<i>М.В. Грачева</i> Традиционная медицина в системе современного здравоохранения ЮАР	49
<i>М.В. Конохова</i> Развитие системы здравоохранения в странах БРИКС	55
<i>С.И. Барская</i> Реформы высшего образования в России и ЮАР в начале XXI в.	62
Человек в цифровом обществе: новые ориентиры персонализма и имперсонализма	
<i>А.А. Елисеева</i> Информатизация в Китае: плюсы и минусы	68
Abstracts	73
Сведения об авторах	77

CONTENTS

Politicians and society: the evolution of religious rationalism

- S.Y. Fahmy*
Islam in politics of Gamal Abdel Nasser 9
- M.Yu. Nizhnik*
The Lebanese Maronite community at the early stage
of the Arab-Israeli conflict 14
- D.A. Chubarov*
Arab-Muslim sources about the Kingdom
of Jerusalem in 1099–1048 in the context
of intercultural communication 21
- Fashion, music and a multicultural environment:
the ways of constructing of identity
-
- E.V. Lobashova*
Fashion as an element of identity in Africa 26
- M.S. Osipova*
Funk Carioca as a tool of resistance
and identity construction for Brazilian favel youth 32
- A.C. Ivanov*
The musical aspect of western culture
in the Islamic Republic of Iran
in terms of the dominant political regime 38
- N.A. Panin*
Afrikaner National Identity: Rethinking in the context
of the multicultural environment
of post-apartheid South Africa 44

Between reforms and traditions:
trends in the development of medicine and education

<i>M. V. Gracheva</i> Traditional medicine in the modern healthcare system of South Africa	49
<i>M. V. Konokhova</i> Development of the healthcare system in the BRICS countries	55
<i>S. I. Barskaya</i> Higher education reforms in Russia and South Africa at the beginning of the XXI century	62
Man in a digital society: new landmarks of personalism and impersonalism	
<i>A. A. Eliseeva</i> Informatization in China: the pros and cons	68
Abstracts	73
General data about the authors	77

ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВО: ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО РАЦИОНАЛИЗМА

УДК 28(620)
ББК 86.38(6Еги)

С.Ю. Фахми

Ислам в политике Гамаль Абдель Насера

Автор ставит вопрос об отношении лидера египетского (а шире и арабского) национального движения Г.А. Насера к религии в контексте становления (ко времени 1950-х гг.) сплоченной группы сторонников преобразования страны, считавших, что путь к нему проходит через обретение подлинной независимости и ликвидацию монархии, в которой они видели едва ли не основное препятствие на пути к построению «нового Египта». Многие из этих людей, в первую очередь сам Г.А. Насер, не принадлежали к ведущим семьям, из числа членов которых обычно рекрутировалась египетская элита. Это означало, в частности, что Г.А. Насер и его сторонники были религиозны. Однако их религиозность и большая патриархальность вовсе не препятствовали им в реализации модернизационных процессов.

Ключевые слова: Г.А. Насер, ислам, арабизм, египетская идентичность, модернизация.

Говоря о типичном для Ближнего Востока революционном руководителе эпохи 50-х гг. XX в., американский исследователь Джордж Керк писал: «Это – динамичный, но редко добивающийся нужного результата, исполненный благих намерений, но малообразованный офицер, принадлежащий к возрастной группе 30–35 лет». Этого руководителя окружали его сподвижники – «сердитые молодые люди», «являющиеся мусульманами», «прототипом» которых «(со скидкой на время) был Ахмед Ораби...»¹. Таким руководителем, по мнению Дж. Керка, был Гамаль Абдель Насер. Точка зрения этого исследователя заслуживает серьезного внимания.

Отсылка к фигуре Ахмеда Ораби-паши не случайна. Произошедшее в 1881 г. выступление каирского гарнизона, проходившее под лозунгом «Египет для египтян», стало итогом деятельности вышедших на политическую арену офицеров – «феллахских сыновей», видевших свою задачу в восстановлении величия родины.

¹ Kirk G.E. Short History of Middle East. New York, 1955. P. 285.

Но «внуком феллаха» и «сыном мелкого служащего», «доросшим до подполковника», был и Насер².

Как сторонники Ораби-паши, так и члены организации «Свободные офицеры», осуществившие «июльскую революцию» 1952 г., были в первую очередь патриотами. Давая характеристику их лидеру Насеру, долгие годы проработавший с ним военный министр Мухаммед Фавзи называл его «патриотом», «патриотизм которого был не запятнан; у него не было никаких иных стандартов кроме службы Родине. Он был благородным, чистым человеком, которого не волнуют деньги... и который не склоняется перед запугиваниями и угрозами»³.

Как и Ораби-паша, получивший лишь военное образование, Насер окончил военную академию. Выходец из патриархальной среды, но устремленный к усвоению достижений современности, второй египетский президент соблюдал мусульманские религиозные обряды (в 1953 г. он совершил традиционный для мусульман хадж). По словам профессора университета Джонса Гопкинса Ф. Аджамии, Насер «жил и встречался с людьми просто; держал свою жену вдали от света прожекторов. Подобные образы обладают силой в мусульманском обществе. Разрыва во власти между правителем и управляемыми ожидают и его терпят, разрыв же в культуре является путем к компрометации правителя или к зарождению мысли, что он отвернулся от своего мира в поисках огней и чар Запада... Насер никогда не отворачивался от Египта»⁴.

Оставаясь верующим мусульманином, Насер, вне сомнения, не отрицал роли ислама в социальной жизни общества, но рассматривал религиозную норму в качестве неотъемлемого фактора для строительства «нового Египта». «Мы наделены духовной силой, – говорил он, – верой в Бога и чувством братства, которые дают нам средство открыть новую главу в истории человечества, подобно тому, как это сделали наши предки 1300 лет назад»⁵. При этом он также подчеркивал, что победа революции идет от самого Бога: «Мы чувствуем, что наши цели – это Божественные цели... Когда в ваших венах пульсирует ощущение, что мы победим, оно идет от чувства, что Бог с нами, поскольку Бог всегда выступает за правду и никогда – за ложь...»⁶.

Вдова Тахья Абдель Насер в своей книге «Насер – мой муж» говорила о том, что ее супруг был глубоко верующим человеком, который регулярно молился, был скромнен в обиходе, неприхотлив в еде. Как она подчеркивала, «он всегда носил в кармане маленький Коран в металлической коробке. Но в день покушения (организованного «Братьями-мусульманами» 26 октября 1954 г. во время речи президента Насера в Александрии по случаю вывода британских войск из страны. – С. Ф.) никак не мог его найти. Я дала ему другой Коран в картонном переплете. В последний момент перед самым выходом я увидела его любимый экземпляр и успела передать ему. В результате он ушел с двумя священными книгами. В него стреляли восемь раз, и он выжил»⁷.

Тем не менее устремленность Насера к современности и его желание преобразовать Египет делали его отношение к религии

² Насер Г.А. Речь в лагерях по подготовке руководящего состава молодежных организаций Арабского социалистического союза в Хелуане. 18 ноября 1965 г. // Проблемы египетской революции / Г.А. Насер. М., 1979. С. 136.

³ Аль-Ватан аль-Араби. 03.01.1986–09.01.1986. С. 38.

⁴ Ajami F. The Arab Predicament. The Arab Political Thought and Practice since 1967. Cambridge, 1981. P. 119–120.

⁵ Цит. по: Politique Etrangere. 1957. № 22. P. 456.

⁶ President Gamal Abdel Nasser's Speeches and Press-Interviews. Cairo, 1985. P. 91–92.

⁷ Tahia Gamal Abdel Nasser. Nasser: my husband. Cairo; New York: American univ. in Cairo press, 2013. P. 6.

нюансированным. С одной стороны, если в первой конституции независимого Египта, принятой в 1923 г., об исламе вовсе не упоминается, то в конституции 1964 г. ему была посвящена отдельная статья (№ 5), по которой ислам объявлялся государственной религией⁸.

Однако, с другой стороны, по мнению французского исследователя Египта Ж. Лякутюр, взгляды Насера на вопрос о политической роли ислама со временем эволюционировали «от месяца к месяцу... его концепция арабизма очищалась от ссылок на ислам, или, лучше сказать, от приверженности ему»⁹.

В том, что Насер был глубоко верующим человеком, не приходится сомневаться, это было «продиктовано» его воспитанием, его социальным положением, силой традиции и высокой степенью религиозности населения страны, что оказывало (и до сих пор оказывает) существенное влияние на египетскую общественно-политическую жизнь. Однако как политик Насер понимал, что полная приверженность религиозной догме исключит прогрессивное преобразование Египта. Лексический анализ текстов интервью и выступлений второго президента Египта это лишь доказывал.

Если обратиться к тексту интервью корреспондента «Аль-Ахрам» с Насером по случаю первой годовщины революции (1953 г.), то можно заметить, что религиозная лексика используется лидером в крайне незначительной степени и в основном оправдана с точки зрения особенностей языка, поскольку некоторые религиозные словосочетания часто используются жителями арабских стран как своего рода клише, но не несут никакой особой религиозной окраски и не подразумевают, что тот, кто эти словосочетания использует, весьма верующий человек и пытается это всячески подчеркнуть в своей речи. Их использование стало своего рода культурной особенностью этих стран. Речь Насера была скорее направлена на то, чтобы пролить некоторый свет на произошедшую в июле 1952 г. революцию и предоставить народу своего рода «отчет» об этих событиях, апеллируя при этом к более ранней истории Египта. «После инцидента 4 февраля 1942 г., – говорил Г. Насер, – мы дали обещание перед лицом Божиим и перед нами самими, несмотря на то, что тогда нас было всего несколько офицеров, уничтожить колонизатора и его помощников-предателей и очистить страну от колониализма во всех его проявлениях. Мы обнаружили, что колониализм может быть уничтожен только после уничтожения колониальных агентов в нашей стране. Если мы начнем избавляться от колонизатора и укрепим свой внутренний фронт, то сможем сосредоточить все свои усилия в одном направлении – против этого оккупанта»¹⁰.

Рассмотрим другое публичное выступление, произнесенное по случаю десятой годовщины революции. Это выступление было посвящено деяниям людей, их участию в становлении нового государства и помощи в освобождении страны от колониальной зависимости от западных государств. Насер призывал отказаться от фатализма, подчеркивал важность преобразования страны собственными силами. «Сегодня мы все вправе отпраздновать эту де-

⁸ 1964/ دستور مصر سنة / Конституция Египта 1964 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tibanews.com/index.php/egyptian-constitution/91-constitution-1964>.

⁹ Lacouture J. Nasser: A Biography. New York, 1973. P. 131.

¹⁰ بمناسبة عيد الثورة الأول البكباشي جمال عبد الناصر حوار مندوب الأهرام مع
Интервью корреспондента «Аль-Ахрам» с подполковником Насером по случаю первой годовщины революции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nasser.bibalex.org/Speeches/browser.aspx?SID=47&lang=ar>

сятую годовщину революции... – говорил Насер, – мы поднимаем головы с гордостью и уверенностью в себе, верой в Бога и верой в будущее... Сегодня мы вправе чувствовать большую радость, вспоминая при этом и болезненные события... Мы знаем, что на нас лежит большая ответственность за будущее... Сегодня, через десять лет после революции, я могу с уверенностью сказать, что это поколение смогло войти в историю, невзирая на все препятствия... преодолевая все трудности и опасности, чтобы у нового поколения было место, где оно могло бы изменить свою жизнь»¹¹. На протяжении всего выступления религиозная лексика используется всего четыре раза и оправдана с точки зрения построения самого текста выступления и тоже является своего рода данью традиции и попыткой сделать речь более приближенной к уровню общения простых людей.

То же самое можно увидеть при обращении к речи президента Насера в Порт-Саиде в связи с празднованием годовщины победы над англо-французскими агрессорами на территории Суэцкого канала в 1966 г., в которой он говорил о национализации Египтом Суэцкого канала и том, что пережила страна в ходе этого процесса. «Суэцкий канал раньше приносил доход в 1 млн фунтов, – говорил Насер в своем выступлении, – остальные же доходы были конфискованы иностранными монополиями. Суэцкий канал был вырыт нашими сыновьями. Сыновьями Египта, которые были частью нашей страны. 26 июля Суэцкий канал был национализирован, и канал вернулся к своим людям... к египетскому народу... к арабскому народу»¹². В этом выступлении религиозная лексика вовсе отсутствует.

Низкий процент употребления религиозной лексики говорит об устремленности египетской власти времени Насера к секулярizmu. На практике же это проявилось в разрыве с движением «Братья-мусульмане» и его последующем разгроме. Выступая против «фундаментализма» «Братьев-мусульман», Насер говорил: «Я действительно не понимаю, как можно претендовать на то, чтобы править на основе Корана»¹³, по всей видимости, воспринимая подобную идею как утопию. На требование «Братьев-мусульман» сделать обязательным для всех женщин ношение головного платка Насер отвечал: «Вы только представьте себе, – рассказывал он, – они хотят, чтобы каждая женщина, появляясь на улице, была в платке. Я ему (лидеру «Братьев-мусульман». – С. Ф.) говорю: Это невозможно – ввести в норму закона, пусть каждая семья определяет сама, как ей поступать. Почему твоя дочь, студентка медицинского факультета, не носит хиджаб? Если ты не можешь заставить одну девочку покрыть голову, как я могу заставить сделать это 10 млн женщин по всей стране?»¹⁴

В эпоху правления Насера один из старейших мировых центров мусульманской учености – университет Аль-Азхар подвергся ряду изменений, что также является подтверждением того, что с требованиями ислама не считались тогда, когда эти требования противоречили проводимой политике. Университет был поставлен под жесткий контроль. Так, ректор университета и верховный

¹¹ The speech given by President Gamal Abdel Nasser at the public celebrations in Gomhouriya Square of the 10th anniversary of the Revolution (22/07/1962) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nasser.org/Speeches/browser.aspx?SID=1023&lang=en>

¹² The speech given by President Gamal Abdel Nasser in Port Said on Victory Day celebrations (23/12/1966) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nasser.org/Speeches/browser.aspx?SID=1197&lang=en>

¹³ Lacouture J. Op. cit. P. 315.

¹⁴ Цит. по: Гамаль Абдель Насер – революционер или последний мечтатель Египта? [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4874806>

муфтий назначались только с согласия политического руководства страны¹⁵.

Вопреки мнению Комитета фетв при Аль-Азхаре, который постановил в 1952 г., что женщины не могут пользоваться равным с мужчинами избирательным правом, женщинам было предоставлено избирательное право наравне с мужчинами. При Насере документы и фетвы университета издавались по желанию и под контролем правительства и должны были быть направлены на оправдание политики руководства. В 1955 г. в учебные программы были внесены изменения, так было введено обязательное преподавание наряду с шариатом светского права. Подобная перестройка была направлена на переориентирование деятельности Аль-Азхара на поддержку политики режима. Государство активно вмешивалось в деятельность религиозных обществ: «Был установлен государственный контроль над деятельностью суфийских братств... запрещены массовые зикры, а религиозные шествия во время празднования дней рождения святых стали осуществляться под наблюдением полиции».

* * *

Египетский лидер созидал новую современную идентичность, которая, конечно, не могла быть избавлена от религиозных привязанностей и представлений. Но, тем не менее, формирование этой идентичности должно было содействовать решению задач модернизации, что предполагало минимальность ее связи с религией. Ислам, в отличие от прошлого, переставал быть «краеугольным камнем» египетской идентичности.

¹⁵ Здесь и далее: *Борисов А.Б.* Роль ислама во внутренней и внешней политике Египта (XX в.). М.: Наука, 1991. С. 91–98.

М.Ю. Нижник

Маронитская община Ливана на начальном этапе арабо-израильского конфликта

В данной статье рассматривается история возникновения и развития контактов между представителями маронитской общины Ливана, с одной стороны, и лидерами еврейско-палестинского сообщества (в дальнейшем Израиля), с другой, в период с 1930-х по конец 1940-х гг. Анализируются документы, подтверждающие существование этих контактов, причины их возникновения, цели представителей маронитской общины и сионистов (Израиля) и дается оценка характера этих связей, их значимости для обеих сторон.

Ключевые слова: Ливан, Израиль, христиане, марониты, арабо-израильский конфликт, сионизм.

Арабо-израильский конфликт – один из наиболее продолжительных конфликтов современного мира, который стал следствием развития сионистского движения, иммиграции еврейского народа на территорию Палестины с преимущественно арабским населением и создания здесь государства Израиль в 1948 г. Несмотря на многочисленные попытки разрешить противоречия мирным путем, конфликт остается неурегулированным до настоящего времени. Ливан, как государство, которое находится в территориальной близости к Израилю, часто оказывался непосредственно вовлечен в вооруженные столкновения, следуя общему курсу Лиги арабских государств и защищая интересы арабского населения Палестины. Однако представители многочисленных этноконфессиональных общин Ливана имели свое видение внешней и внутренней политики, которое часто не совпадало с официальным курсом. Так, имеются свидетельства о контактах между сионистами и маронитской общиной Ливана на разных этапах арабо-израильского конфликта, в том числе и в настоящее время. Но чтобы понять, действительно ли христиане Ливана стремились наладить полноценное сотрудничество с сионистами вопреки интересам

государства, необходимо проанализировать причины возникновения этих контактов, цели и стратегии обеих сторон в период, предшествовавший созданию государства Израиль.

Цель данного исследования – изучить историю развития контактов представителей политической и духовной элиты маронитской общины Ливана с сионистами в период с 1930-х до конца 1940-х гг. Это особенно важно, так как эти контакты сыграли важную роль в становлении внешнеполитического курса государства Ливан, а положительное отношение части населения страны к сионистам повлияло на формирование сравнительно умеренной позиции государства в арабо-израильском противостоянии. С этим связано стремление к изолированию от открытых вооруженных столкновений, чтобы, помимо прочего, сохранить хрупкий баланс интересов этноконфессиональных общин.

Наиболее значимыми источниками истории маронитско-сионистских отношений являются Соглашение 1946 г., заключенное между представителем Еврейского агентства и маронитским патриархом Антуном Аридой, и письмо, направленное архиепископом Бейрута Иоакимом Мубараком в Специальный комитет ООН по Палестине в 1947 г. Эти документы содержат информацию о позиции отдельных представителей маронитской общины в отношении сионистского движения, об их контактах с ними. О стремлениях лидеров сионистского движения свидетельствует письмо Давида Бен-Гуриона премьер-министру Израиля Моше Шарету 1954 г.

Всесторонний анализ развития контактов между маронитами и сионистами, их причин и последствий содержится в работах Э. Зиссера¹ и Л.З. Эйсенберг². Среди работ отечественных исследователей необходимо отметить монографию М.А. Родионова и А.В. Сарабьева³, посвященную комплексному изучению развития маронитской общины Ливана, ее роли в политической жизни страны.

В 1940-е гг. на Ближнем Востоке происходили кардинальные изменения. В это время шел процесс обретения политической самостоятельности прежними подмандатными территориями Франции, а также активизация стремлений ишува (еврейского сообщества Палестины) к созданию собственного государства.

В 1943 г. независимым государством стал и Ливан. Важнейшей характеристикой населения Ливана является его этноконфессиональная неоднородность. Одной из наиболее влиятельных общин в рассматриваемый период была христианская маронитская.

Ишув и ведущую христианскую общину Ливана объединяли их положение в качестве меньшинства в арабо-мусульманском окружении и желание обеспечить собственное господство в сложившихся условиях. Именно эти факторы подталкивали некоторых представителей маронитской общины к идее сотрудничества с ишувом, сионистским движением и впоследствии с Израилем для координации имеющихся ресурсов с целью противостоять общему врагу. Возможность установления связей между ними могла бы стать реальностью, хотя официально в 1940-е гг. Ливан придерживался курса Лиги арабских государств, которая в одном из первых

¹ Zisser E. The Maronites, Lebanon and the State of Israel: early contacts // Middle Eastern Studies. 1995. Vol. 31. № 4.

² Eisenberg L.Z. Desperate diplomacy: the Zionist Maronite Treaty of 1946 // Studies in Zionism. 1992. Vol. 13. Is. 2.

³ Родионов М.А., Сарабьев А.В. Марониты: традиции, история, политика. М.: ИВ РАН, 2013.

своих документов (приложение к Хартии ЛАГ «О Палестине») категорически отвергала право евреев на Палестину.

Первые попытки отдельных групп маронитов Ливана и сионистов установить взаимные отношения предпринимались еще в период французского мандата, продолжались в 1930–1940-х гг. и некоторое время после образования государства Израиль в 1948 г. Однако они имели свою специфику.

Прежде всего, в связи с сионистами и впоследствии с Израилем были вовлечены далеко не все члены маронитской общины, а лишь отдельные ее представители и группировки. Так, в 1930-е гг. имели место контакты между президентом Ливана Эмилем Эдде и его сторонниками и представителями сионистского движения. В 1946 г. было заключено соглашение между патриархом маронитской церкви А. Аридой и Еврейским агентством (организацией, основанной в 1929 г. и занимавшейся репатриацией в Израиль и помощью иммигрантам⁴). После 1948 г. контакты с Израилем продолжили Э. Эдде, некоторые члены партии Катаиб⁵.

Тем не менее многие представители маронитской общины заняли противоположную точку зрения и полагали, что для дальнейшего существования Ливана как государства (а также для укрепления их собственного положения на политической арене страны) необходимо установить дружественные взаимоотношения с мусульманским населением Ливана и заручиться поддержкой арабского мира. Контакты с сионистским движением этому не способствовали. По этой причине связи с сионистами не получили широкого распространения среди политической элиты маронитской общины и в основном оставались тайными⁶.

Э. Эдде еще с 1930-х гг. выражал заинтересованность в установлении дружеских отношений с сионистами, однако в дальнейшем эти намерения не имели значимых результатов⁷. Еще во времена французского мандата в 1936 г. он, заняв пост президента, отказался от предложения сионистов официально оформить сионистско-ливанский союз, так как, будучи зависимым от французского верховного комиссара в Ливане, не получил его одобрения и, кроме того, опасался протестов со стороны ливанского общества⁸. Вероятно, Э. Эдде рассчитывал использовать связи с Еврейским агентством для получения необходимой ему политической поддержки Франции (пост премьер-министра Франции в то время занимал Андре Леон Блюм, имевший еврейское происхождение). Но Э. Эдде это не удалось, и вскоре он изменил тактику и начал налаживать отношения с мусульманским населением, предоставляя ему возможности интегрироваться в политическую жизнь Ливана.

После 1943 г. Э. Эдде начал терять поддержку ливанского общества и снова предпринял попытки использовать прошлые связи с сионистами, но уже надеясь получить через них поддержку со стороны США⁹. Впрочем, и эти факты не могут свидетельствовать о серьезном намерении Э. Эдде сблизиться с сионистским движением, так как подобные контакты были лишь средством достижения цели – укрепить свое положение на политической арене Ливана при поддержке внешних сил. Более того, он одновременно искал

⁴ The Jewish Agency for Israel [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jewishagency.org/inside-jewish-agency/content/4916>

⁵ Zisser E. Op. cit. P. 889.

⁶ Ibid. P. 890–891.

⁷ Ibid. P. 905.

⁸ Eisenberg L.Z. Op. cit. P. 149–150.

⁹ Zisser E. Op. cit. P. 905–906.

помощи и со стороны арабского мира – от Ирака и Трансиордании¹⁰. После смерти Э. Эдде в 1949 г. его сыновья изменили курс Национального блока, который ранее возглавлял их отец, на интеграцию в политическую сферу Ливана, начали сотрудничать с Камалем Джумблатом (лидером друзов), суннитскими лидерами, после чего отношения блока с Израилем были уже невозможны¹¹.

В первой половине 1940-х гг. в Ливане соперничали два блока – Национальный и Конституционный. Первый был основан в 1936 г. Э. Эдде, идеология блока опиралась на идеи средиземноморской специфики Ливана, отказа от сотрудничества с арабским миром и определения Франции как гаранта независимости государства¹². Второй примерно в то же время сформировал Бишара аль-Хури, другой маронитский политический деятель. Его сторонники поддерживали идею полной независимости страны, считали Ливан частью арабского мира и настаивали на укреплении сотрудничества с арабскими странами¹³. Тот факт, что к середине 1940-х гг. конфликт между блоками был разрешен в пользу Конституционного и у власти путем проведения выборов оказался Б. аль-Хури, также доказывал иллюзорность возможного союза между маронитами и сионистами на тот момент.

Став президентом, Б. аль-Хури продолжил свой курс на интеграцию в арабский мир и при нем Ливан занял антисионистскую позицию. Далее курс на развитие сотрудничества христиан и мусульман страны был закреплен Национальным пактом 1943 г. (устное соглашение между Б. аль-Хури и Риадом Сольхом, представлявшим интересы суннитов). А вступление Ливана в Лигу арабских государств в 1945 г. означало, что власти страны будут официально придерживаться общей точки зрения арабских стран по вопросу сионистского движения¹⁴.

Наиболее значимым событием в маронитско-сионистских контактах можно считать заключение соглашения в 1946 г. К тому времени большинство маронитских политиков уже осознали невыгодность связей с сионистами и переориентировались на христианско-мусульманское сотрудничество, потому той силой, с которой заключение подобного соглашения оказалось возможным, стала маронитская церковь. Вероятно, это связано с тем, что духовные лидеры общины могли находиться в меньшей зависимости от общественной поддержки, чем лидеры политические: первые назначались представителями духовенства, в то время как судьба кандидатов в президенты и депутаты Парламента зависела от итогов выборов.

30 мая 1946 г. в Иерусалиме состоялось подписание официального соглашения между представителем Еврейского агентства Бернардом Джозефом (Дов Йосеф) и маронитской церковью в лице Тауфика Авада, доверенного патриарха А. Ариды. В соответствии с ним маронитская церковь признавала право евреев на свободную иммиграцию в Палестину и основание еврейского государства¹⁵, в свою очередь Еврейское агентство обязалось уважать независимость Ливана и его границы¹⁶. Кроме того, соглашение предусматривало развитие сотрудничества между сторонами не только на

¹⁰ Ibid. P. 907.

¹¹ Ibid. P. 908.

¹² Родионов М.А., Сарабьев А.В. Указ. соч. С. 292–294.

¹³ Там же.

¹⁴ Eisenberg L.Z. Op. cit. P. 151.

¹⁵ The Maronite Zionist Treaty of 1946 [Электронный ресурс]. Art 1 // Moulahazat. A Lebanese Political Blog. URL: <https://moulahazat.com/2014/06/24/the-maronite-zionist-treaty-of-1946-text/>

¹⁶ Ibid. Art. 2.

уровне политики, но также в области безопасности, в экономической, социальной и культурной сферах¹⁷. Вместе с тем сионистские организации обязались оказывать поддержку представителям маронитской общины в Вашингтоне, Лондоне, Париже и на международных конференциях¹⁸, что, очевидно, и могло быть для А. Ариды (как и для других представителей маронитской общины) главной целью сотрудничества с сионистами в то время.

Но для Еврейского агентства соглашение не принесло пользы: А. Арида настаивал на сохранении соглашения в тайне, а это означало, что не могло состояться публичное признание маронитской церковью права на создание еврейского государства в Палестине¹⁹. В дальнейшем соглашение так и не было реализовано, сионисты пытались подтолкнуть маронитского патриарха к активным действиям²⁰, но отношения между А. Аридой и Еврейским агентством не получили развития, а уже в 1948 г. патриарх публично отрицал обвинения в связях с сионистами²¹.

Окончательному отказу патриарха от продолжения контактов с сионистским движением способствовала ситуация, сложившаяся вокруг письма маронитского архиепископа Бейрута И. Мубарака в Специальный комитет ООН по Палестине от 3 августа 1947 г. Архиепископ тоже предпринимал попытки наладить отношения с сионистами, но в отличие от Э. Эдде и А. Ариды делал это достаточно открыто. После выборов 1947 г. (когда Б. аль-Хури не оказал поддержки кандидатам, находившимся под покровительством И. Мубарака) между архиепископом и президентом возникли серьезные разногласия, и И. Мубарак принял точку зрения, противоположную позиции президента²².

В своем письме от имени общины И. Мубарак признавал Палестину родиной иудеев и ранних христиан неарабского происхождения и утверждал, что ни Ливан, ни Палестина не могут быть включены в состав арабского мира, так как это противоречит их истории и нарушает социальное равновесие в регионе. И. Мубарак отмечал особый вклад еврейских иммигрантов начала XX в. в экономическое и культурное развитие Палестины. Проводя параллель между христианами Ливана и евреями Палестины, архиепископ подчеркивал необходимость сотрудничества этих немусульманских меньшинств ради сохранения своей идентичности. В завершение он сообщил, что Ливан признает свободу евреев в Палестине, так же как свою собственную свободу и независимость²³. И. Мубарак также обращался к Еврейскому агентству с просьбой о финансировании и предоставлении помощи для свержения Б. аль-Хури²⁴. Но его действия не имели значимых последствий и выражали лишь собственные интересы И. Мубарака в борьбе с режимом Б. аль-Хури и вызвали неодобрение со стороны ливанского общества.

Другая политическая сила Ливана, о контактах которой с сионистским движением имеются свидетельства, – партия Катаиб. В 1948–1951 гг. состоялась серия встреч между делегатами Катаиб во главе с Элиасом Рабаби (близкий друг основателя партии Пьера Жмайеля), с одной стороны, и представителями Израиля – с другой. В ходе переговоров Э. Рабаби сообщил, что Катаиб готова захва-

¹⁷ Ibid. Art. 4.

¹⁸ Ibid. Art. 4, h.

¹⁹ Eisenberg L.Z. Op. cit. P. 157.

²⁰ Ibid. P. 158.

²¹ Ibid. P. 160–161.

²² Zisser E. Op. cit. P. 902–904.

²³ Lettre de Monseigneur Mubarak, Archevêque de Beyrouth, à la commission de l'UNSCOP, 1947 [Электронный ресурс] // Dreuz.info. URL: <https://www.dreuz.info/2012/08/18/quand-le-liban-chretien-aimait-israel%e2%80%8f/>

²⁴ Eisenberg L.Z. Op. cit. P. 160.

тить власть в Ливане и установить дипломатические отношения с Израилем, если тот, в свою очередь, обеспечит им необходимую финансовую помощь. Однако Израиль отказался спонсировать переворот, так как Катаиб на тот момент не имела реальной возможности захвата власти в стране, и эти отношения тоже не получили дальнейшего развития²⁵. Более того, сама партия не была вовлечена в какие-либо связи с Израилем, наоборот: Катаиб поддерживала антиссионистские мероприятия ливанских властей, ее основатель П. Жмайель действовал в союзе с курсом президента Б. аль-Хури на протяжении всего его пребывания у власти²⁶, а в 1945 г. Катаиб упоминался в списке членов Объединения антиссионистских ливанских партий²⁷. В этом случае также идет речь о небольшой, явно не преобладающей группе внутри партии или даже о личной инициативе Э. Рабаби, а не о партии Катаиб в целом.

В начале 1950-х гг. Израиль еще продолжал искать возможность установления дружественных отношений с маронитской общиной Ливана. Так, Д. Бен-Гурион в своем письме премьер-министру Израиля М. Шарету в феврале 1954 г. рассуждал о возможности создания в Ливане христианского государства. Он полагал, что при поддержке Израиля маронитская община может создать христианское государство в Ливане и необходимо бросить все силы на осуществление этой идеи. Однако премьер-министр не был уверен в успехе предприятия, так как сами представители маронитской общины не проявляли стремления создать христианское государство. Его создание означало бы уменьшение территории Ливана путем отделения присоединенных в 1920 г. мусульманских районов, с которыми к тому времени у Бейрута уже были установлены тесные политические и экономические связи, это было на данном этапе уже невозможно²⁸.

* * *

Таким образом, несмотря на то что связи между сионистским движением и представителями маронитской общины Ливана были еще в период французского мандата и продолжались после обретения Ливаном независимости, это не означало, что имело место сотрудничество маронитской общины с сионистами и Израилем. Напротив, взаимодействовать с Еврейским агентством соглашались лишь отдельные представители политической и духовной элиты, преследовавшие свои личные цели, но не выражавшие намерения общины в целом. Они обосновывали свои действия общностью интересов обеих сторон – стремлением противостоять давлению окружающего их арабо-мусульманского мира.

Марониты, которые шли на эти контакты, рассматривали их лишь как инструмент для достижения собственных целей. В общих чертах, они стремились получить финансовую поддержку от Еврейского агентства и лояльных к нему стран Запада для ведения борьбы со своими политическими соперниками в Ливане. И в большинстве рассмотренных случаев таким соперником оказывались Б. аль-Хури и его сторонники, отстаивавшие идеи христианско-мусульманского сотрудничества.

²⁵ Zisser E. Op. cit. P. 908–910.

²⁶ Ibid. P. 910.

²⁷ Machahid24.com

[Электронный ресурс]. URL: <http://machahid24.com/v3/perspectives/9587.html>

تطور الأحزاب السياسية في لبنان // مشاهد

²⁸ Rokach L. Israel's sacred terrorism: a study based on Moshe Sharett's Personal Diary, and other documents. Belmont, 1986. P. 31–34.

Соответственно, в рассматриваемый период представители маронитской общины не планировали наладить полноценное сотрудничество с сионистами. Это доказывает и тот факт, что их отношения представляли собой единичные встречи, абстрактные соглашения, которые маронитская сторона в большинстве случаев не намеревалась приводить в исполнение. А главная цель сионистов – признание Ливаном права на создание еврейского государства – не могла быть достигнута, так как маронитская сторона эти связи скрывала.

Более того, такое сотрудничество на данном этапе развития государства Ливан было уже невозможно, так как большинство христианского населения страны к тому времени придерживалось курса Б. аль-Хури на сближение с мусульманами и интеграцию в арабский мир. Это давало гарантии существованию Ливана как государства и было официально закреплено Национальным пактом 1943 г. Выражение кем-либо из христианских кругов готовности сотрудничать с сионистским движением лишало его поддержки ливанского населения (как мусульманского, так и христианского). А после обращения архиепископа И. Мубарака в Специальный комитет ООН по Палестине и последующих за ним обвинений в его адрес никто из политических или духовных лидеров уже не решался открыто устанавливать отношения с Израилем, хотя со стороны последнего все еще высказывались предложения о сотрудничестве. Однако официальный курс Ливана и маронитской общины совпал с общими антиссионистскими настроениями стран Лиги арабских государств, и изменить его они не могли и не желали.

Д.А. Чубаров

Сообщения арабо-мусульманских источников об Иерусалимском королевстве 1099–1148 гг. в контексте межкультурной коммуникации

Статья посвящена проблеме межкультурной коммуникации в Иерусалимском королевстве в период между Первым и Вторым крестовыми походами. На основе арабских мусульманских источников прослеживается процесс ассимиляции левантийских франков в культурную и военно-политическую жизнь региона и ставится под сомнение устоявшаяся картина «перманентной войны» крестоносцев с мусульманами.

Ключевые слова: Крестовые походы, Иерусалимское королевство, христианство, ислам.

Период между Первым и Вторым крестовыми походами – своеобразный *Interbellum*, когда подкрепления с Католического Запада были малы и нерегулярны, а выживание франкских королевств – в особенности Иерусалимского – достигалось как военными, так и дипломатическими действиями. Франки находились в абсолютном меньшинстве по сравнению с местным населением, не гнушались местной кухни, бань, до известной степени – костюма. Со временем они попадали под неоспоримое влияние утонченной восточной культуры. Изучение межкультурной коммуникации франков и местного населения в Иерусалимском королевстве в этот период является нашей задачей.

Ни одна проблема истории Средиземноморья не изучалась более тщательно, чем Крестовые походы, а учитывая их западные истоки, вполне естественно, что они породили на Западе столь обширную научную традицию¹. Среди исследований, касающихся нашей проблемы, – «Латино-Иерусалимское королевство» Жана Ришара², «The Crusader States» Барбера Малкольма³, «Arab Historians of the Crusades» Франческо Габриэли⁴, «Крестовые походы. Взгляд

¹ Хиллебрандт К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. СПб., 2008. С. 15.

² Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство. СПб., 2002.

³ Barber M. The Crusader States. Yale University press, 2012.

⁴ Gabriely F. Arab Historians of the Crusades. University of California Press, 1969.

⁵ Хиллебрандт К. Указ. соч.

с Востока: мусульманская перспектива» Кэрол Хиллебрандт⁵, «Из истории средневековой Сирии. Сельджукский период» Л.А. Семенов⁶.

Из всего многообразия арабоязычных источников особый интерес представляют «Аль-Кямиль фи-т-тариих» [Полный свод всемирной истории] Ибн аль-Асира⁷, «Музайл Тарих Димашк» [Продолжение хроники Дамаска] авторства Хамзы ибн аль-Каланиси⁸, «Зубдат аль-Халяб» [Сливки истории Халеба] Камаль ад-Дина ибн аль-Ади-ма⁹, «Китаб аль-И'тибар» [Книга назидания] Усамы ибн Мункыза¹⁰.

Ценные сообщения содержат также франкские хроники, они, впрочем, уже давно досконально изучены. Фульхерий Шартрский пишет: «Мы, жители Запада, стали жителями Востока; тот, кто был римлянином или франком, превратился здесь в галилеянина или обитателя Палестины; тот, кто проживал в Реймсе или Шартре, видит себя горожанином из Тира или Антиохии». Сообщается о многочисленных смешанных браках – в основном, правда, с местными христианами. А Усама ибн Мункыз в Китаб аль-И'тибар упоминал о христианском рыцаре, нанявшем египетских кухарок и отдававшим предпочтение восточной кухне.

Франкское завоевание не повлекло за собой повсеместного вытеснения покоренного населения. Под властью сравнительно небольшого числа франкских синьоров оказалось солидное число арабов-мусульман, арабоязычных христиан – православных, несториан, якобитов – также ромеев и армян. И если в Эдессе преобладали армяне, а в Антиохии – ромеи, то в Иерусалимском королевстве абсолютное большинство составляли мусульмане. Отделенные от массы покоренного населения католической верой, латынью и низким французским наречием, компактно проживавшие в городах, иерусалимские франки, однако же, не смогли избежать влияния арабо-мусульманской культуры.

И если хронология франко-мусульманских войн между Первым и Вторым крестовыми походами редко удосуживается внимания, то краткое описание жизни в Утремере для большинства историков представляется непреложной частью классического нарратива. Так, уже подверглись тщательному анализу многие свидетельства, включая труды латинских хронистов, судебные документы, материальные свидетельства и даже Китаб аль-И'тибар Усамы ибн Мункыза.

Западные историки в большинстве своем согласны с тем, что крестоносцы оказались в необычной ситуации и сумели, с одной стороны, создать феодальное государство западноевропейского типа, а с другой – искали способы сосуществования с местным населением, поскольку находились в абсолютном меньшинстве по сравнению с ним. Жак Эрс и Томас Эсбридж приводят примеры сегрегации, а Жан Ришар отмечает, что в конечном итоге франки оказались весьма толерантными завоевателями: им «хватило политического здравого смысла, чтобы уважать веру, традиции, обычаи местного населения, сдерживать религиозное рвение крестоносцев и не предпринимать попыток насильственного обращения сирийцев в католицизм»¹¹. Может показаться, что они противоречат друг другу, хотя в большей степени они говорят о разных исторических моментах.

⁶ Семенова Л.А. Из истории средневековой Сирии. Сельджукский период. М., 1990.

⁷ Ибн аль-Асир. Аль-Кямиль фи-т-тариих. Т. 9. Бейрут, 2002.

⁸ Ибн аль-Каланиси. Музайл тарих Димашк. Бейрут, 1908.

⁹ Камаль ад-Дина ибн аль-Адим. Сливки истории Халеба [Зубдат аль-Халяб] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Kamaladdin/pred.phtml?id=636>

¹⁰ Усама ибн Мункыз. Книга назидания [Китаб аль-И'тибар] [Электронный ресурс]. URL: http://vostlit.narod.ru/Texts/rus11/Usama_Munkyz/pred.htm

¹¹ Ришар Ж. Указ. соч. С. 12.

Интеграция франков в жизнь региона не была мгновенной. Этот процесс ассимиляции нашел отражение у арабо-мусульманских авторов. О многом нам поведают косвенные признаки: в частности, сообщения о смерти королей Иерусалима, рассказы о повседневных дрязгах, налетах и торговых противоречиях.

Парадигму, в которой действовал франкский Иерусалим при Готфриде и Балдуине I, можно назвать «парадигмой тотальной войны». На первых этапах франки «убивали, брали в плен и грабили все, к чему могли приложить руки»¹². Ибн аль-Асир рассказывает о том, как в 1119 г. граф Жослен, хозяин Телль Башира, с отрядом из 200 рыцарей отправился на охоту на двуногую дичь. Он застал врасплох группу арабов из племени бану Халид, взял нескольких в плен и при помощи пыток – вырывания ногтей – установил, что племя сейчас находится в долине вади Салала, что между Дамаском и Тиверией. Он разделил свой отряд – 150 рыцарей отправил вперед, а сам с 50 рыцарями пошел другой дорогой, чтобы окружить бану Халид и неожиданно напасть на рассвете. Однако бедуины, хорошие разведчики и следопыты, прознали об угрозе. Многие хотели бежать, но эмир племени запретил им, велел готовиться к бою. У бану Халид было 150 конников, также многие приняли бой в пешем строю. Когда к ним подошел первый отряд – 150 рыцарей, они отчаянно дрались под началом эмира, подававшего пример храбрости и тактической грамотности, и обратили франков в бегство, убив 70 рыцарей и взяв в плен 12. За пленных бедуины получили хороший выкуп; Жослен же с полусотней рыцарей заблудился и опоздал к битве, а узнав о поражении, решил отступить в Иерусалим. Графу не повезло дважды: после «опоздания к битве» он встретил в пути группу бандитов, египетских солдат, возвращавшихся в Аскалон из неудачного набега. Они вступили с графом в бой и разбили его – до Иерусалима тот добрался, дважды посрамленный¹³.

Арабо-мусульманские хроники пестрят сообщениями о притеснениях, грабежах, насилии и прочих бесчинствах, хотя нельзя исключать вероятность преувеличений. Крестоносцы, считавшие своим врагом не отдельные страны, а мусульман вообще, не стеснялись себя в действиях против купцов и крестьян, одерживая победы не только над отрядами из Халеба или Аскалона, но и над мирными жителями. «Святая война» крестоносцев была неконвенционной.

Действуя на территории врага, франки были смелы и находчивы, проявляли тактическую гибкость и не стеснялись сомнительных союзов, например, с бандитами-бедуинами, если те сулили им выгоду. Однажды к Балдуину I «прибыл человек из арабов [бедуинов] аз-Зурайка, из земель Аскалона, и сообщил: “Дамасский караван вышел из Босры в монастыри Египта с великим богатством, и я укажу вам на него, а вы освободите [оттуда] моих пленных сородичей”, и Балдуин в то же время выдвинулся из Акки на поиски каравана» – пишет Ибн аль-Каланиси об одном из таких случаев, имевшем место в 1112 г. и кончившемся успешным разграблением каравана: бедуины освободили своих пленных и взяли в плен чу-

¹² Ибн аль-Каланиси. Указ. соч. С. 254.

¹³ Ибн аль-Асир. Указ. соч. С. 186.

жих, франкам досталось до 50 тыс. динаров, а торговцы Дамаска понесли колоссальные убытки¹⁴.

В правление Балдуина I отношения между франками и покоренным населением оставались напряженными – в западных источниках упоминаются многочисленные факты строительства новых крепостей, имеющих целью усиление контроля над крестьянами покоренных областей и принуждение оных к выплате податей. Ранние государственники Утремера в арабо-мусульманских источниках представляются своеобразными «стационарными бандитами», непрестанно занимающимися грабежом. Они расширяют свои территории, строят замки, которые господствуют над плодородными полями и торговыми путями, – все лишь для того, чтобы с большим комфортом заниматься грабежом, взиманием бандитской дани.

Ибн аль-Каланиси сообщает, что в начале 1105 г. армяне сдали крепость Артах и сдались на милость Фахр аль-Мулюк Аммару, так как страдали из-за несправедливости и тирании со стороны франков¹⁵. Армянские источники сообщают о насилии и вымогательствах, и это при том, что армяне помогали крестоносцам с оружием в руках! В том же году Балдуин построил в Суэцкой земле Шато-Бодуэн, который тут же был захвачен атабеком Дамаска. Ибн аль-Каланиси уточняет: атабек атаковал франков еще до того, как замок был достроен, застал их врасплох и вырезал всех до последнего человека – об этом пишет, в частности, Ибн Тагриберди¹⁶.

Тем не менее уже в это время арабские летописцы демонстрировали удивительную осведомленность о делах, имевших тогда место в стане франков: «В это время [1112–1113 гг.] Жослен, правитель Тель Башира, поссорился со своим дядей по материнской линии, Балдуином Маленьким, правителем Аль Рухи, и присоединился к Балдуину, правителю Иерусалима, который отдал ему Тиверию в качестве фьефа...».

Осведомленность средневековых хронистов касалась не только того, как жили франкские короли, но и того, как они умирали. У дамасского хрониста Ибн аль-Каланиси, абассидского историка Ибн аль-Асира и мамлюкского историка Ибн Тагриберди мы находим сообщения о смерти франкских владык Иерусалима, и эти сообщения могут о многом рассказать нам.

Так, согласно западным историкам, Готфрид Бульонский скончался в 1100 г. при весьма туманных обстоятельствах: он «вдруг занемог» и «вскоре скончался» – как пишет Мишо. Ибн аль-Асир сообщает: «Готфрид, царь франков Леванта и хозяин Иерусалима, устремился к городу Акка на побережье Леванта, и осаждал его, и был поражен стрелой, и умер»¹⁷. Это краткое сообщение о смерти иноземного захватчика, оно сильно отличается от обычных некрологов владыкам Леванта.

Фигура Балдуина I (ум. 1118 г.) воспринимается уже несколько иначе, о чем свидетельствует некролог следующего содержания: «Аллах покарал его после того, как он прибыл в аль-Ариш. Его спутники усомнились в его животе и его терпении, и его внутренности гнили, и они достигли солончака и похоронили его, завоевателя Иерусалима, Акки и нескольких прибрежных крепостей»¹⁸.

¹⁴ Ибн аль-Каланиси. Указ. соч. С. 291.

¹⁵ Там же. С. 239–240.

¹⁶ Ибн Тагриберди. Ан-нуджум аз-захира фи-ль-мулюк Миср ва-ль Кахира. Каир, 1935. С. 194.

¹⁷ Ибн аль-Асир. Указ. соч. С. 43.

¹⁸ Ибн Тагриберди. Указ. соч. С. 173.

Ибн аль-Асир пишет: «Почувствовав смерть, [Балдуин] отправился назад в Иерусалим, и умер, завещав свою страну графу, хозяину Эдессы [Балдуину II де Бурку], тому самому, которого пленил Якармуш и освободил Сукман»¹⁹.

Королю Балдуину II (ум. 1131 г.) дамаский хронист Ибн аль-Каланиси посвящает полноценный некролог, содержащий в себе даже некоторую степень сочувствия: «В этом [начало 526 г. хиджры] году из окружения франков пришло сообщение о кончине Балдуина, короля франков и хозяина Иерусалима, в Акке, в четверг, в двадцать пятый день месяца рамадан. Он был старцем, которого время обглодало несчастьями [словно зубами], претерпевшим тяготы и беды. Он попадал в руки мусульман пленным несколько раз, в войне и мире, но он освобождался своей знаменитой хитростью и вынужденным обманом. Ему не нашлось подходящего преемника. Его место занял новый король, кунд Анджур [граф Анжуйский], прибывший к ним по морю из их стран, но его решения не были здоровыми, он не добился успеха в правлении, и после смерти Балдуина среди франков воцарились смятение и беспорядок»²⁰.

В отношении Фулька (ум. 1143 г.), повествуя о событиях того года (538 г. хиджры), Ибн аль-Каланиси включает всего семь сообщений, из которых самым развернутым является сообщение о смерти франкского короля: «В этом году также пришла новость из окружения франков о смерти графа Анжуйского, короля Иерусалима, от болезни, оказавшейся фатальной. Его младший сын и мать мальчика были назначены править вместо него. Франки удовлетворились таким решением, и его положение укрепились»²¹.

Конечно, этому некрологу далеко до пышных панегириков в адрес дружественных мусульманских владык. Но он выглядит весьма лояльно в сравнении с некрологом эмиру Хамы Махмуду б. Караджа (517 г. хиджры): «...он был дебоширом, пропойцей и неразборчивым в средствах тираном, казнил ряд знатных горожан Хамы, несправедливо и незаконно, лишь на основе клеветнических обвинений, которые те выдвигали друг против друга».

Опираясь на сведения арабо-мусульманских хронистов, можно проследить, как франки из чуждого агрессивного элемента, своеобразного раздражителя, превращались в полноценных участников жизни Леванта – торговой, культурной и политической. В 1118 и 1131 гг. приход нового короля влек за собой парадигматический сдвиг, находивший отражение в политике франков. Если классический западный нарратив предполагает непреходящую парадигму тотальной войны между Востоком и Западом, то арабские хроники приводят меньше мифов, больше фактов и свидетельствуют о поэтапном успехе межкультурной коммуникации. Можно сказать, что каждое новое поколение левантийских франков было толерантнее предыдущего.

¹⁹ Ибн аль-Асир. Указ. соч. С. 178.

²⁰ Ибн аль-Каланиси. Указ. соч. С. 369–370.

²¹ Там же. С. 533–534.

МОДА, МУЗЫКА И ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА: ПУТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 687(6)
ББК 85.126.6(6)

Е.В. Лобашова

Мода как элемент идентичности в Африке

Проблема идентичности в Африке актуализируется в наши дни в связи с кардинальными изменениями образа жизни современных африканцев. Данная статья посвящена изучению влияния современной моды на идентичность африканцев, а также тенденций возвращения жителей Африки к традиционному костюму. Значимость костюма как идентификационного механизма, носящего коды не только традиционной культуры, но и глобальной потребительской культуры, которые порой объединяются и создают своеобразную «двукультурность», что характерно для африканцев, определяет и интерес к его изучению.

Ключевые слова: Африка, идентичность, мода, костюм, наряд, традиции, культура, «двукультурность».

Мода диктует восприятие окружающих, влияя на различные степени самоидентификации и освещая идентификационные перемены в обществе. Современные тенденции в модной индустрии не ограничивают стремления каждого африканского народа к сохранению неповторимости своей культуры, запечатлению ее особенностей посредством костюма. Несмотря на модификацию социальных процессов, которые приводят к унификации и стандартизации внешнего облика, на современном этапе африканцы все чаще обращаются к этническим ценностям, предпочитая традиционные наряды европейским. Это делает проблему идентификации в Африке актуальной на сегодняшний день и привлекает внимание многих ученых, а в контексте данной темы и дизайнеров. Необходимость постановки данного вопроса обусловлена тем, что его решение способно показать существенные особенности современных реалий африканской культуры, а также динамику и причины ее эволюции на современном этапе.

Данная проблема многоаспектна, и именно этническая и культурная идентичность, «двукультурность» и костюм как культурный код освещаются в работах таких известных искусствоведов,

социологов, философов, как Николай Тарабукин, Александр Гофман, Георг Зиммель¹. Среди работ, которые сегодня успели приобрести определенную популярность, необходимо отметить «Я сегодня в моде» Александра Васильева, «Философия Моды» Ларса Свендсена, «Язык вещей» Деяна Суджича. Однако проблематика, касающаяся непосредственно Африки, мало разработана на данный момент. Так, в данной статье использовано интервью из исследования, проведенного в 2013 г. Ф. Диопой и Д. Мерункой, «African Tradition and Global Consumer Culture: Understanding Attachment to Traditional Dress Style in West Africa»².

Костюм как облачение и первая внешняя оболочка человека является статичным объектом материальной культуры и декоративно-прикладного искусства. Александр Гофман описывает наряд, как и любой язык, рассказ или обряд, который может формировать единую систему символов и знаков, превращаясь в своеобразный «социальный код» культуры³. Глобализация приводит к «взаимопроникновению культур», где современная мода является неотъемлемой частью межличностного обмена знаков и кодов. Презентующий себя в креативном пространстве, костюм также является «хранилищем» социокультурных ценностей. Поэтому мода рассматривается и как идентификационный инструмент, и как культурно-историческое наследие, показывающее эстетические каноны прошедших эпох.

В образно-стилистической структуре традиционного костюма отображаются этноконфессиональные, этнические, художественно-эстетические представления народа, его история, менталитет, система ценностей, уровень духовной и материальной культуры. Ларс Свендсен пишет, что таким образом транслируются традиции и этнические стереотипы поведения народа, осуществляется самоэтноидентификация и подчеркиваются особенности родной культуры⁴. Обратимся, например, к Нигерии, где сейчас происходит массовый исход жителей из деревень в крупные города. Первое время новоиспеченный горожанин стремится избавиться от образа «деревенщины», стараясь следовать моде города и затем растворяясь среди ему подобных. Тем более в такой многонациональной стране, как Нигерия, где большинство крупных городов являются космополитами, и проблема неузнаваемости среди горожан выдвигает на первый план желание выделиться из пестрящей различными культурами толпы, быть не просто неприметным нигерийцем, а неповторимым этническим лицом на территории данного государства. Также, переезжая из родной среды в чужую, находясь среди представителей различных народов и племен, появляется желание найти «своих среди чужих». В соответствии с позицией Зиммеля данная стратегия идентификационного поведения выстраивается при помощи традиционного костюма как инструмента формирования идентичности, выполняющего в данном случае такую социальную функцию, как социальный контроль⁵. Одежда проводит «границу» между Своими и Чужими, дает ощущение неразрывной связи между собой и культурой собственного народа.

¹ Тарабукин Н.М. Очерки по истории костюма. М., 1994.; Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М., 2013; Зиммель Г. Мода // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни / Г. Зиммель. М., 1996. С. 266–291; и др.

² Diop F., Merunka D. African Tradition and Global Consumer Culture: Understanding Attachment to Traditional Dress Style in West Africa [Электронный ресурс] // International Business Research. 2013. Vol. 6. № 11. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.832.4003&rep=rep1&type=pdf>

³ Гофман А.Б. Мода // Культура. Энциклопедия: В 2 т. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 1. С. 1346–1347.

⁴ Свендсен Л. Философия моды / Пер. с норв. А. Шипунова. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 171–226.

⁵ Зиммель Г. Указ. соч. С. 267.

Вот что говорят сами африканцы:

Несмотря на преобладание западной культуры, я привязан к своей культуре. Когда я иду на работу, на мне западная одежда. В ней я чувствую себя свободнее в своих движениях. Тем не менее, по пятницам я ношу традиционную одежду для совершения мусульманских молитв. Я хочу, чтобы на меня смотрели как на хорошего мусульманина, религиозного человека, который выполняет свои обязанности⁶.

Важность, придаваемая традиционным нарядам, также связана с презентацией себя как ответственного человека – стремлением уважать других, желанием соответствовать групповым ценностям, а также демонстрацией себя как образцового мусульманина.

Когда я принимаю участие в семинарах, я предпочитаю носить традиционную одежду, поскольку она подчеркивает мою женственность. Она заставляет меня чувствовать себя более уверенно и повышает мой социальный статус. Я также ношу традиционную одежду во время семейных праздников, и когда мой муж приглашает своих друзей домой. Как мать, я должна соответствовать образу истинной африканской женщины, которая не потеряла связь с ее корнями и традиционными ценностями. Моя одежда и поведение передают образ ответственной матери, которая понимает важную роль женщин в мусульманском обществе. Даже на обеденных вечеринках я ношу традиционную одежду, чтобы подчеркнуть уникальную красоту африканской женщины. Традиционная одежда придает чувство ответственности тем, кто ее носит⁷.

Когда я ношу традиционное платье, я придаю большое значение качеству ткани. Это признак социального успеха. Учитывая мой социальный статус (преподаватель), я должна быть очень разборчива в выборе качественного традиционного наряда, который я ношу⁸.

Когда я была беременная, я носила традиционное платье, чтобы накрыть свой живот и защитить себя от сглаза. Покрытие некоторых частей тела (например, моего живота или моей головы) защищает меня от злых духов. Платок, например, защищает меня от головных болей. В нашем обществе выкидыши, как полагают, связаны с злыми духами, которые овладели телом...⁹.

Как было замечено, в современном обществе наблюдают не только коммуникацию европейской и африканской культуры в повседневной жизни жителей Африки, но и то, что костюм помимо сообщений о социальном положении транслирует информацию о национальной и религиозной принадлежности.

Что касается самого традиционного наряда, то в Нигерии у женщин это обычно либо блуза и юбка (красивый кусок ткани, который обертывается вокруг талии), либо платье в пол – все это, конечно, сопровождается традиционными орнаментами на тканях. Либо носят обычную европейскую одежду. Образ зависит уже от штата, национальности и религии, где проживает та или иная модница, ведь в некоторых штатах Нигерии принят шариат. Мужчины обычно одеты в рубашки, халаты и брюки. Форма брюк различна.

⁶ Diop F., Merunka D. Op. cit.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

В Нигерии мужчины народа хауса носят свободные брюки с «ригой» (длинная свободная рубашка) сверху. Мужчины йоруба носят как широкие, так и узкие брюки, часто в виде трехкомпонентного костюма наряду с халатом и рубашкой. Цвет, текстура или тканевый мотив отличают платье разных народов. В Нигерии есть все виды текстиля из импортных натуральных и синтетических нитей, а также местных хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых и синтетических материалов. Популярными тканями являются: простая суконная ткань, кружево, парча и бархат. Также Великобритания и некоторые европейские страны доставляют необходимые ткани. Азиатскими поставщиками являются Япония, Китай и Индия, где производители делают ткани на заказ для конкретных текстильных мотивов и цветов.

Большинство прикрепленных и многих подвесных предметов одежды является традиционным украшением, среди них серьги, ожерелья, тонкие изящные пояса для талии из бисера. Ожерелья различаются по размеру и стилю: из металла, бусинок, раковин, цепей и медальонов. Некоторые металлические браслеты совсем небольшие, они одеваются только на запястье и лодыжку. Другие массивные браслеты, используемые для украшения нижней части руки, плеча или щиколоток, – сделаны обычно из различных материалов, это золото, серебро, латунь, медь, слоновая кость, натуральные камни (яшма, кораллы и янтарь), а также множество раковин из каури (которые часто украшают одежду). Как импортные, так и местные стеклянные бусы есть во всей Африке. Италия, Австрия и Германия исторически экспортировали стеклянные бусы во все районы Африки, а ремесленники в городах (например, Бида, Нигерия) производят стеклянные бусины из переработанных бутылок для напитков. В Африке широко распространены шрамирование и татуировки, но вместо татуировок нигерийцы наносят временную косметику (охра, каолина, индиго, хна и мел), которая прекрасно украшает темную кожу. Косметика легко доступна в любой стране Африки, хотя не всегда наносилась или использовалась обильно. Опять же, проблема связана с различными типами кожи: помады и румяна не так заметны на темных лицах, как на светлых. Точно так же хна – обычная косметика в Северной Африке и на Ближнем Востоке – не используется африканцами с более темной кожей, хотя иногда она используется на ладонях и нижней части ног, которые являются более светлыми частями тела.

Головной убор является неотъемлемой частью африканского ансамбля одежды. В Нигерии дети и молодежь носят головные уборы реже, чем взрослые. Мужские головные уборы – это шапочки из легкой ткани и тюрбаны, а в некоторых районах они разнообразнее и сложнее платков, чем на головах у женщин. К мужским головным уборам относится множество типов кепок и шляп из ручных и вышитых вручную тканей, но, особенно с момента прибытия европейцев, мужчины носят много импортных шляп и шапок. Богатые украшения для шляп высокопоставленных мужчин имеют вышивку металлическими нитями из золота и серебра, или драгоценных камней, или металлов. Модные изменения, а также креативность

и индивидуальный талант каждой нигерийки влияют на их выбор головного убора. Очень ценятся английские ткани, но женщины также выбирают ткань ручной работы, чтобы стиль соответствовал традиционному костюму. Одни модницы накидывают красивую легкую ткань на голову и немного прикрывают лицо, другие затейливо завязывают ткань на голове.

Однако при этом этноидентифицирующая функция традиционной одежды носит не ситуативный, а фундаментальный характер, который напрямую связан с перманентным взаимодействием и традиционности, и инноваций.

...Мне нравится самоутверждаться, одевая традиционную одежду. Дома она символизирует женщину, которая заботится о своем муже. Традиционная одежда развивается параллельно моде. Различные изменения в традиционной одежде можно объяснить эффектом плавильного котла. Традиционная одежда с некоторыми современными штрихами вызывает уважение других. Таким образом, вы можете увидеть восхищение в глазах окружающих, которые ценят современную моду¹⁰.

При соединении столь разных стилей получается довольно экстраординарная вещь, но от того не менее интересная. Модернизация национального костюма показывает, что традиция может быть современной и модной. Это позволяет африканцам переключаться с одной культуры на другую. Благодаря такой интеграции они чередуют коды культуры в зависимости от социального контекста, и возникает «двукультурность».

Так, в Нигерии появилась тенденция использования самых передовых технологий 3D моделирования (поэтому простота кроя некоторых конструкций обманчива), а мужчины делают татуаж нижней губы. От просторных платьев до зауженных юбок, от закрытых туник до джинсовых костюмов – нигерийская мода изобилует различными нарядами в разных стилях, что придает колоритность женщинам и мужчинам не только в Нигерии, но и во всей Африке на фоне других модниц и модников со всего мира. Происходит адаптация к мировой потребительской культуре, которая становится наглядной, например, когда африканские стилисты организуют показы мод, где участвующие девушки частично обнажены, но богато украшены.

СМИ и телевидение также оказывают свое влияние на африканскую моду. Они показали ее огромному количеству людей, создающих больший спрос, расширяя рынок роскоши и предлагая более широкий спектр культурных влияний. Промышленность стала более открытой, а мода в целом менее элитарной, особенно с использованием социальных сетей, предоставляющих возможность критиковать. Мода демократична.

Конечно, европейская мода во многом модернизировала облик современного нигерийца, но и они претерпели влияние африканского стиля. Примером является кардинальная смена направления при создании образов итальянского дома Gucci, где сейчас

¹⁰ Diop F., Merunka D. Op. cit.

восхваляются яркие гаммы цветов и энергии, что так характерно для африканского стиля. Открываются двери для многих новых культур, и эти влияния изменяют целую отрасль. На данный момент формируются креативные пространства, в которых традиционная одежда чаще всего уже является брендом, у которого есть определенный социально-экономический потенциал, и который играет большую роль в позиционировании Африки как места для этнического, культурно-познавательного и событийного туризма.

Таким образом, костюм как явление культуры многофункционален, и его можно рассматривать как идентификационный механизм. Благодаря этому механизму можно наблюдать за динамикой развития и изменениями африканского общества, а также узнать о культурной самобытности жителей данного континента. Традиция принимает некоторые коды глобальной потребительской культуры, а ее носители чередуют типы африканской и глобальной культуры в зависимости от контекста. Традиция и новации оказывают взаимное влияние и, соединяясь, создают своеобразную «двукультурность».

М.С. Осипова

Фанк кариока как инструмент сопротивления и конструирования идентичности молодежи бразильских фавел

В статье рассмотрен культурный феномен «фанк кариока», зародившийся в фавелах Рио-де-Жанейро и вскоре ставший самым популярным музыкальным жанром среди молодежи бразильской периферии. Дается краткий исторический обзор феномена бразильской фавелы и рассматриваются социокультурные особенности фавел, в контексте которых и получил развитие и распространение фанк кариока.

Ключевые слова: Бразилия, Рио-де-Жанейро, периферия, фавела, фанк кариока, молодежь, культурное сопротивление.

Сегодня ни один научный или научно-популярный текст, посвященный проблематике фавел Бразилии, не обходится без упоминания фанк кариока¹, пожалуй, самого противоречивого проявления культуры Бразилии за последние 40 лет. Объединяя в себе музыку, танец и определенные идеологию и ценности, фанк кариока был признан культурным наследием штата Рио-де-Жанейро в 2009 г. Несмотря на это, он по-прежнему страдает от стигматизации и дискриминации со стороны консервативной части бразильского общества. Зародившись в фавелах Рио-де-Жанейро в 1970-е гг., со временем фанк кариока пересек границы родного штата и завоевал популярность по всей стране, став настоящим голосом маргинальной молодежи бразильской периферии.

Фавелы: краткий исторический обзор

Появление первых прообразов бразильских фавел² датируется концом 80-х – началом 90-х гг. XIX в., после отмены рабства, когда часть освобожденных рабов³, получив свободу, отправилась

¹ Другие названия – фанк кариока (дословно фанк из Рио-де-Жанейро), байле-фанк (танцевальный фанк), фавела фанк (фанк из фавелы) или просто фанки (как произносят сами бразильцы).

² Этимология самого слова «фавела» до сих пор вызывает споры, так как существует несколько версий происхождения этого названия. Согласно самой распространенной из них, название произошло от кустарника вида *Cnidocolus quercifolius*, в простонародье называемого «фавела», который якобы произрастал в засушливых районах Баии и покрывал территорию Канудус. Так, бывшие солдаты, вернувшиеся с войны, дали это название холмам, которые они заселили в Рио-де-Жанейро, и оно закрепилось за всеми неформальными поселениями трущобного типа в Бразилии, в том числе и за теми, которые располагаются не на холмах, а в низинах.

³ Бразилия была последней страной в Западном полушарии, отменившей рабство в 1888 г. Она импортировала в 11 раз больше африканских рабов, чем США, и только в одном Рио-де-Жанейро было больше рабов, чем на всем юге США.

в тогдашнюю столицу Бразилии – Рио-де-Жанейро – в поисках лучшей жизни. Не имея собственного жилья, они сооружали жилища из подручных средств, застраивая периферии крупных городов. Другая часть бывших невольников обосновалась в штате Баия (северо-восток Бразилии), основав там собственное поселение Канудус, ставшее своеобразным прототипом крестьянской коммуны. Восстание в Канудусе (известное также как Война Канудус) в 1896–1897 гг. спровоцировало вторую волну миграции в Рио-де-Жанейро. Солдатам, принимавшим участие в вооруженном конфликте, были обещаны земли, которые они так никогда и не получили. Они начали самовольно заселять холмы в городе, и считается, что в 1897 г. появилось первое организованное поселение в Рио-де-Жанейро на холме *Morro da Favela*, который сейчас носит название *Morro da Providência*. После этого все поселения в Рио (и Бразилии), которые возникали неформальным путем, стали называться *фавелами*. Впоследствии разрастанию фавел в крупных городах юго-восточного региона страны способствовала массовая миграция сельского населения из северо-восточных штатов.

Фавелы, формально существуя в Рио-де-Жанейро с конца XIX в., были официально признаны государством лишь в конце 1930-х гг., когда правительство охарактеризовало их как «отклонение от нормы»⁴. Градостроительный кодекс (*Código de Obras*) от 1937 г. должен был препятствовать росту и экспансии уже существующих фавел, однако остановить этот рост так и не удалось: они росли значительно быстрее, чем остальной город, в каждом десятилетии с 1950 по 2000 г., как горизонтально, так и вертикально⁵.

В научных и официальных кругах Бразилии в отношении фавел принято использовать более дипломатичные термины – «субнормальные агломерации» (*aglomerados subnormais*) или «сообщества» (*comunidades*) – то есть все виды неформальных городских поселений, состоящие как минимум из пятидесяти жилищных единиц.

По подсчетам Бразильского института географии и статистики (IBGE), в 2010 г. в Бразилии было 6329 фавел⁶. В городе Рио-де-Жанейро по состоянию на 2010 г. было 763 фавел, в которых проживало 22,03% (1 393 314 человек) от общего населения города⁷. Согласно последним данным Института Перейра Пассос (*Instituto Pereira Passos*), за один год (2016–2017) фавелы Рио-де-Жанейро увеличились в размере, эквивалентном территории сообщества *Morrodo Borel* (333 064 кв. м)⁸.

Социально-культурные особенности фавел

Этнический и расовый состав бразильских фавел достаточно разнообразен, однако известно, что 67% фавеладос (жителей фавел) являются черными (бразильцы африканского происхождения. – М. С.)⁹. Этот факт напрямую связан с социально-культурными особенностями фавел.

Формирование параллельных социокультурных практик в обществах Рио-де-Жанейро обусловлено прежде всего продолжи-

⁴ *Perlman J.* Favela: four decades of living on the edge in Rio de Janeiro. Oxford: University Press, 2010. P. 27.

⁵ *Ibid.* P. 28.

⁶ Mais de 11 milhões de brasileiros vivem em favelas [Электронный ресурс] // *Veja*. URL: <http://veja.abril.com.br/brasil/mais-de-11-milhoes-de-brasileiros-vivem-em-favelas/>

⁷ Rio é a cidade com maior população em favelas do Brasil [Электронный ресурс] // *O Globo*. URL: <http://oglobo.globo.com/brasil/rio-a-cidade-com-maior-populacao-em-favelas-do-brasil-3489272>.

⁸ Favelas do Rio tiveram o maior crescimento territorial desde 2012 [Электронный ресурс] // *O Globo*. URL: <https://g1.globo.com/rj/rio-de-janeiro/noticia/2018/08/29/favelas-do-rio-tiveram-o-maior-crescimento-territorial-desde-2012.ghtml>

⁹ 84% dos moradores de favelas dizem sofrer preconceito, aponta pesquisa [Электронный ресурс] // *IG*. URL: <http://economia.ig.com.br/2015-03-04/84-dos-moradores-de-favelas-dizem-sofrer-preconceito-aponta-pesquisa.html>

тельным игнорированием государством локальной идентичности этих сообществ и, как следствие, неспособностью выработать политику, которая учитывала бы эти особенности. В большинстве фавел города отсутствуют традиционные культурные институции – музеи, театры, концертные залы и галереи, библиотеки. Авторы книги «*Страна под названием фавела: самое полное исследование о бразильской фавеле*» пишут, что «из-за расстояния, ненадежного транспорта и затрат на него уровень потребления традиционных культурных благ среди жителей фавел все еще низок. На момент написания этого исследования [2014], только 12% из опрошенных посещали кино за последние 30 дней. За тот же период только 11% были на каком-нибудь музыкальном шоу. Только 2% посетили театральное представление, та же цифра применима и к музеям»¹⁰.

Несмотря на то что стереотипные представления о трущобах как местах бедности и преступности продолжают существовать, богатство их художественного и культурного производства жизненно необходимо для того, чтобы узаконить присутствие этих территорий в городе¹¹. Территориальная и социально-культурная обособленность фавел превращает их в своего рода анклав, который развивается по своим законам и формирует свой собственный символический капитал. Авторы монографии «*Латинская Америка XX века: социальная антропология бедности*» пишут: «С культурологической точки зрения эти слои отличаются от других отстраненностью от высокой культуры. Театр, консерватория, литература для них недоступны. В лучшем случае они могут наслаждаться карнавальным шествием, футболом, кино, дискотеками. Такой образ “культурной жизни” накладывает неизгладимый отпечаток на весь стиль их жизни, поведение, речь, семейные отношения и т. д. Поп-культура и субкультура бедных кварталов – это особый мир человеческих судеб, увлечений и страданий»¹².

Фанк кариока

Фанк кариока зародился на перифериях Рио-де-Жанейро в 1970-е гг.: тогда, когда в стране началось широкое распространение культурного влияния США, представленное в музыке такими жанрами, как *фанк*, *соул*, *диско*. Бразильские диджеи привозили винил с записями «черной музыки» (*black music*), которая изначально в большинстве своем была представлена именно фанком¹³. Диджеи играли импортную музыку на вечеринках (*bailés*, *bailés black*), проходивших каждые выходные на перифериях города. Изначально вечеринки организовывали в районе Ботафого (Южная зона Рио-де-Жанейро) в знаменитом концертном зале *Санесão*. Позднее, когда владелец заведения выгнал диджеев, чтобы приспособить помещение для концертов популярного в то время бразильского исполнителя Роберту Карлоса, вечеринки перекочевали на периферию города. По некоторым данным, вместе взятые, они могли еженедельно собирать до миллиона мо-

¹⁰ Meirelles R. Um país chamado favela: a maior pesquisa já feita sobre a favela brasileira. São Paulo, 2014. P. 115.

¹¹ Capanema Alvares L., Barbosa J.L., Cavalcante A.L. Culture, Resistance, and Transgression in Rio de Janeiro: From favela movements to the 2013 Riots. São Paulo, 2017. P. 6.

¹² Латинская Америка XX века: социальная антропология бедности / Отв. ред. Б.И. Коваль. М., 2006. С. 35.

¹³ См. подробнее: Осипова М. Фанк кариока – музыка бразильских фавел [Электронный ресурс] // Brazil.ru: онлайн-журнал о Бразилии, 11.02.2018. URL: <https://brasil.ru/opinions/music/fank-karioka-muzyka-brazilskix-favel>

лодых людей из фавел. Распространение *bailes* повлекло за собой и появление организованных групп – *equipas de som*, передвижных саунд-систем, благодаря которым можно было организовать вечеринку у порога собственного дома. Самые крупные коллективы могли собирать до 15 тыс. человек на одном мероприятии. Организаторы ставили перед собой задачу объединить черное сообщество фавел и обеспечить максимальный обмен информацией между его представителями. Как отмечал исследователь Эрмано Вианна, написавший первую научную работу о фанк кариока в 1987 г., «праздник – это важный фактор для гомогенизации общества, который оставляет в стороне различия и подчеркивает чувство идентичности»¹⁴.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. было создано организованное культурно-художественное движение *Black Rio*, которое многие в то время сравнивали с движением чернокожих американцев в США за борьбу против расизма. Некоторых активистов *Black Rio* даже обвиняли в том, что они получали средства из Штатов, чтобы спонсировать подрывную деятельность в фавелах Рио-де-Жанейро. Полиция опасалась распространения идей североамериканского движения «Черные пантеры» и беспощадно вторгалась на вечеринки под предлогом поиска оружия и наркотиков.

Изначально музыкальный жанр был тесно связан с проблемами маргинализированных слоев населения. Основной задачей текстов песен было отразить социальную реальность самых бедных частей города, а также разоблачить и раскритиковать неспособность государства изменить эту ситуацию. В 1970-е гг. начался расцвет наркоторговли в фавелах, это привело к невиданному ранее разгулу преступности, усилению влияния бандитских группировок, их столкновению с полицией и, как следствие, ожесточенному противостоянию между двумя сторонами. Это нашло свое отражение в музыке, и с 1990-х гг. бóльшая часть композиций фанк кариока посвящена именно теме насилия. Когда эта музыка, разоблачающая действия полицейских в фавелах, вышла за пределы фавел и стала популярной в других частях города, власти были напуганы ее откровенностью и потенциальной опасностью для общественного порядка. Течение, получившее название *proibidão* (дословно – «запрещенный фанк»), стали обвинять в восхвалении наркоторговли, преступности и насилия. Так, постепенно фанк стал ассоциироваться у части бразильского общества исключительно с криминалом, а периферия и бедное население фавел (основные потребители этого музыкального жанра) стали рассматриваться как источник всех социальных бед. Между тем сами исполнители *proibidão* отмечают, что поют о том, что их окружает. По их мнению, криминализация этого направления является формой навязываемой цензуры и подавлением права голоса угнетенного населения.

На протяжении всей истории жанра появлялись его многочисленные ответвления – романтический фанки (*funk melody*), эротический фанки (*funk putaria*), хвостовской фанки (*funk ostentação*) и многие другие. Так, например, *funk ostentação* получил наиболь-

¹⁴ Vianna H. O Baile Funk Carioca: Festas e Estilos de Vida metropolitanos. Rio de Janeiro, 1987. P. 34.

шее распространение в Сан-Паулу, крупнейшем мегаполисе Южного полушария. Имитируя образ североамериканских рэперов, бразильские исполнители поют о деньгах, золотых цепях, дорогих автомобилях и напитках, красивых и доступных женщинах и постоянно упоминают в своих композициях названия знаменитых брендов одежды и аксессуаров. При всей кажущейся несурезности, этот поджанр, тем не менее, затрагивает одну очень важную тему. Он отражает новые амбиции и потребности молодого бедного населения, которое начинает приобретать реальную покупательную способность. Покупать знаменитые бренды и кичиться ими – это своего рода новое движение, посредством которого молодые люди изъявляют свое желание стать частью мира потребления и класса, который может позволить себе то, что постоянно мелькает в рекламе и теленовеллах.

Со временем фанки стал все чаще звучать и в престижных и дорогих клубах города, в которых собирается средний и высший класс, а также на телевидении и радио. Появление белых исполнителей позволило этому жанру выйти в мейнстрим и стать частью бразильской культурной индустрии. На карнавале 2018 г. этот ритм стал самым популярным в стране – 70% всех игравших композиций на уличных гуляньях относились к фанки¹⁵.

Основным пространством социализации фанкейрос (любителей и приверженцев движения фанки), как и прежде, остаются вечеринки, имеющие разные названия в зависимости от города или региона (*baiões, fluxos, pancadões*), а также киберпространство – многочисленные чаты и сообщества фанкейрос. Согласно исследованию института *Data Popular*, сегодня «сообщество фанки» объединяет 10 млн бразильцев старше 16 лет, большинство из которых относятся к классам C, D, E (средний и ниже среднего). 77% из них регулярно слушают фанки, а 50% посещают вечеринки минимум раз в месяц¹⁶.

1 сентября 2009 г. был принят закон, официально превращающий фанки в народное культурное и музыкальное движение со статусом нематериального культурного наследия штата Рио-де-Жанейро. Это признание на государственном уровне стало плодом борьбы, которую вели на протяжении всего этого времени фанкейрос против предрассудков и дискриминации жанра, зародившегося на периферии. Спустя 6 лет, в 2017 г., были собраны и представлены в Сенат 20 тыс. подписей, просящих официально признать ритм «преступлением», которое способствует моральному разложению бразильского общества. Проект Сенатом одобрен не был.

Государство на протяжении всей истории существования фавел пыталось подавить формы творческого самовыражения их жителей. Такая политика привела к тому, что культурные проявления фавеладос зачастую превращаются в инструмент сопротивления и протеста как ответ на криминализацию со стороны государства бедных районов и их социальных и культурных движений. Жители фавел участвуют в практиках по конструированию, превращающих культуру в инструмент эстетического и полити-

¹⁵ Funk é o ritmo mais tocado durante o Carnaval 2018 [Электронный ресурс] // Metropoles. URL: <https://www.metropoles.com/entretenimento/musica/funk-e-o-ritmo-mais-tocado-durante-o-carnaval-2018>.

¹⁶ Com 10 milhões de fãs, funk é hino de identidade para jovens brasileiros da periferia [Электронный ресурс] // Veja. URL: <https://veja.abril.com.br/entretenimento/com-10-milhoes-de-fas-funk-e-hino-de-identidade-para-jovens-brasileiros-da-periferia/>

ческого настроения, что призвано противостоять доминирующему в обществе образу фавел¹⁷. Культура фанк кариока выступает в качестве механизма социализации определенной группы людей – в данном случае чернокожей молодежи из преимущественно бедных районов.

Все чаще звучат сравнения судьбы фанки с непростым прошлым таких бразильских культурных проявлений, как самба и капоэйра, которые впоследствии стали национальными культурными символами страны. Между тем еще в начале XX в. быть исполнителем самбы значило быть преступником. Капоэйра, будучи соединением танца и борьбы, пугала тогдашнюю власть возможностью возникновения организованного мятежа рабов. В наши дни попытки криминализировать фанки расцениваются некоторыми исследователями этого культурного феномена как преследование и даже геноцид в отношении черной и бедной молодежи бразильских фавел.

¹⁷ *Capanema Alvares L.,
Barbosa J.L., Cavalcante A.L.*
Op. cit. P. 1.

А.С. Иванов

Музыкальный аспект западной культуры в Исламской Республике Иран в условиях главенствующего политического режима

Автор изучает историю развития музыкального аспекта хип-хоп-культуры в Иране. Подробно рассматриваются изменения позиции официальной власти по этому вопросу при различных лидерах государства, и приводятся инциденты и факты, которые наглядно их демонстрируют.

Ключевые слова: Иран, музыка, хип-хоп, западная культура, цензура.

История хип-хопа начиналась в конце 60-х гг. XX в. Данное течение зародилось в Южном Бронксе – одном из беднейших кварталов Нью-Йорка. Развитие и расширение влияния и географии хип-хопа в конце 1970-х гг. привело к положительным последствиям – были снижены агрессия и насилие среди молодежи, так как хип-хоп-культура представляла хорошую альтернативу преступлениям и иным формам девиантного поведения в обществе. С 1980-х гг. хип-хоп непрерывно развивается быстрыми темпами: укрепляется международное творческое сотрудничество, которое способствует расширению международной известности, увеличивается количество вовлеченных, совершенствуются качество и техника исполнения во всех аспектах данной культуры. Любовь, мир, единство и веселье¹ – девиз тех, кто представляет хип-хоп.

Культура с такой идеологической основой вполне успешно могла бы стать популярной в дореволюционном Иране, в котором еще была свобода выбора и самовыражения. К тому же, западная культура была широко представлена во многих сферах жизни общества: бары, рестораны, кинотеатры и показываемые в них фильмы, литература, кино, музыка, даже образ жизни – все это часто создавалось по зарубежному образцу. Однако революция 1978–1979 гг. коренным образом изменила положение вещей.

¹ Love, Peace, Unity and having fan.

Смена политического режима и установление главенствующей роли ислама привели к достаточно жесткой регламентации культурной жизни граждан, в частности в музыкальной сфере. Культурная революция, которая проводилась «во имя очищения страны от развращающего западного и атеистического влияния», затронула телевидение и радио. Образовалось Бюро по борьбе с непристойностями, целью которого был контроль над средствами массовой информации, во главе с аятоллой Гиляни. В конце июня 1980 г. были закрыты ряд газет и журналов, театров и кинотеатров, а также было запрещено исполнение каких-либо музыкальных композиций, кроме гимнов, посвященных революции и новому политическому режиму.

Однако, как бы то ни было, постепенно революционные настроения угасли, и некоторые классические композиции все же были разрешены на иранском радио и телевидении.

Но правительство во главе с Али Хаменеи продолжило контролировать и сдерживать развитие музыкальной индустрии. Хаменеи редко публично высказывал свое отношение к музыке. Однако, будучи президентом, проводил активную деятельность по контролю в сфере культуры. «Будет лучше, если наша молодежь будет проводить свое драгоценное время, изучая науку и занимаясь спортом, вместо занятий музыкой»². Со слов Хушанга Асади, который был сокамерником аятоллы в тегеранской тюрьме в 1976 г., Али Хаменеи не любит никакую музыку, кроме революционных и религиозных гимнов.

С приходом нового президента ситуация начала меняться. После окончания ирано-иракской войны Али Рафсанджани начал проводить политику либерализации, которая во многом затронула культурную сферу общества. Одним из поворотных моментов стал случай на одном из местных радиоканалов: отрывок из песни группы Pink Floyd “Wish You Were Here” прозвучал в качестве заставки на одной из утренних радиопередач. Возможно, это было сделано случайно, а возможно, по умыслу оппозиционно настроенного продюсера, который был недоволен тем, что брата президента уволили с поста главы органа, отвечающего за вопросы радиовещания. В любом случае, важно здесь не то, какие были мотивы у этой культурной диверсии, а тот факт, что с того момента западная музыка перестала быть запрещенной.

Учитывая данное событие, появление хип-хоп-культуры в начале 1990-х гг. вполне ожидаемо. Большим толчком этому послужило распространение CD-дисков таких западных исполнителей, как Tupac, Eminem, 50 Cent и т. д. Кроме того, в то время у западной культуры появился новый дистрибьютор – спутниковое телевидение. Оно давало доступ к просмотру зарубежных фильмов, музыкальных клипов и телепередач. Решение вопроса о запрете или разрешении использования спутниковых тарелок постоянно колебалось, что позволило западной культуре вновь стать популярной в стране³. Юные парни и девушки смотрели MTV и различные видео на Youtube и сначала просто подражали западным исполнителям и танцорам, а после уже пошли по собственному пути, создавая уникальный стиль.

² Cit. ex.: Music fails to chime with Islamic values, says Iran's supreme leader [Электронный ресурс] // The Guardian, 2 Aug. 2010. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/aug/02/iran-supreme-leader-music-islam>.

³ Satellite TV scales the walls of Islam: Iranians tune in to the West [Электронный ресурс] // Independent, 12 June 1994. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/satellite-tv-scales-the-walls-of-islam-iranians-tune-in-to-the-west-1422067.html>

Первую группу людей, вовлеченную в хип-хоп-культуру в Иране, сейчас условно называют первым поколением. Датировать его можно 1991–1992 гг. Из-за давления со стороны государства и соответственно риска оказаться в тюрьме за подобного рода творчество количество участников было крайне малым, а вся деятельность проходила в основном в стенах домов и крайне редко выставлялась на показ общественности. Через некоторое время, ввиду многих трудностей, с которыми столкнулось первое поколение (цензура, отсутствие возможностей, стимула для развития, поддержки со стороны общества и т. д.), интерес к хип-хоп-культуре угас. На данный момент о его представителях того периода почти ничего неизвестно: остались только их псевдонимы и несколько видео в Интернете и частных архивах.

Во второй половине 1990-х гг. – в особенности после прихода к власти президента Мохаммеда Хатами – продолжился процесс ослабления государственного контроля в культурной сфере⁴, поэтому в музыкальной индустрии уже не чувствовалось такого давления, что вновь обеспечило развитие западной культуры.

Вторая волна интереса к хип-хопу началась в 1996–1997 гг. Причиной тому стал танцевальный стиль текно⁵, снискавший популярность не только среди молодежи, но и в кругах старших поколений. Среди людей, которые танцевали его ради развлечения на различных частных мероприятиях, нашлись и те, кто увидел за всем этим целую культуру с историей и собственным мировоззрением. Именно они называются сейчас вторым поколением. Однако тогда доступ к информации был ограниченным, поэтому какие-либо знания о хип-хопе приходили в страну через крайне небольшой круг людей, которые могли позволить себе поездку за границу и были заинтересованы в данной теме. По этой причине второе поколение в большинстве случаев копировало движения, музыку и другие атрибуты культуры, просматривая записи VHS-кассет популярных западных артистов. Так, например, на некоторых мехмуни⁶ можно было увидеть, как один человек поет песню известного хип-хоп-артиста, а другие танцуют под его аккомпанемент. Начиная с данного периода развитие уличной культуры лишь наращивало свой темп: знания о ней постепенно расширялись, а исполнение становилось более качественным.

Профессиональное развитие хип-хоп-музыки началось в первой половине 2000-х гг. Сурош Лашкари, более известный под своим псевдонимом Nichkas, многими считается отцом иранского репа. Он начал свою деятельность в 2000 г., участвуя в уличных реп-баттлах, в которых исполнители соревнуются, высказывая свое мнение по какой-либо теме при помощи специального рифмосложения. А уже в 2003 г. Сурош организовал одну из первых хип-хоп-групп в стране – 021⁷.

В произведениях иранских исполнителей ясно прослеживается влияние западной хип-хоп-сцены. Так, например, в песне Ясера Бахтиари (Yas) “Sarbaz-e Vatan” можно увидеть заимствования стилистики у Busta Rhymes (особенно при сравнении с песней “Breck ya neck”) и Eminem. В творчестве Хоссейна угадывается сходство с

⁴ Iran declares ban on western music [Электронный ресурс] // The Guardian, 20 Dec. 2005. URL: <https://www.theguardian.com/world/2005/dec/20/iran>

⁵ Так иранцы называли смесь таких танцевальных стилей, как roboting, popping, ставших популярными в Иране на тот момент, движения из музыкальных клипов MC Hammer, Vanilla Ice и Майкла Джексона.

⁶ То есть домашние вечеринки.

⁷ 021 – административный код Тегерана. Стоит отметить, что в самом названии видно влияние западной хип-хоп-сцены. Схожим образом себя называли исполнители из американского города Детройт, код которого – 313 – стал символом местной уличной культуры.

артистом Туга (музыкальный трек “Abas”, с одной стороны, и “Rack City” – с другой). А группа Zed Bazi вовсе начинала с создания кавер-версий композиций 50 Cent. Изначально большинство песен было посвящено теме социальных проблем, национального патриотизма и политики⁸. В современное же время содержание текста чаще сводится к другому – сексу, наркотикам, преимуществам богатой жизни. Популярен также криминальный рэп (“gangsta-rap”).

Однако после избрания Махмуда Ахмадинежада президентом Ирана отношение власти к массовой культуре приобрело консервативное направление. Уже в 2005 г. назначенный им министр культуры и исламской ориентации Мохаммад-Хосейн Саффар-Харанди начал активную деятельность в области цензуры: запретил распространение более тысячи альбомов различных исполнителей и значительно снизил количество проводимых концертов, опасаясь, что ими воспользуется оппозиция⁹. Неудивительно, что появились те, кто не согласился с подобными ограничениями. Они в большинстве случаев покинули страну, эмигрировав в Великобританию, Францию, Америку, Армению, Турцию, ОАЭ – в страны, где существует свобода слова и нет ограничений для творчества, продолжив свою деятельность на родном языке. Это во многом определило тот факт, что Иран потерял почти всех самых талантливых, профессиональных, востребованных хип-хоп-исполнителей.

Но несмотря на это некоторые все же получали разрешения на выпуск своих альбомов. Так, например, Ясер Бахтияри смог официально опубликовать свой альбом. Это скорее всего связано с тем, что во время землетрясения в Баме в 2003 г. его песни несколько раз звучали на официальном телевидении.

20 декабря 2005 г. Ахмадинежад запретил трансляцию всех жанров западной музыки, включая песни Эрика Клэптона “Rush” и “Hotel California” группы Eagles, которые регулярно звучали в различных программах и передачах, и даже классические композиции на местном радио и телевидении¹⁰. Так как данное распоряжение касалось только местных СМИ, наличие спутниковых тарелок все еще давало жителям Ирана доступ к зарубежным каналам, которые не были обременены подобными ограничениями.

Несколько ранее дирижер Тегеранского симфонического оркестра Али Рахбар уволился в знак протеста против вмешательства государства в музыкальную индустрию¹¹. Такое решение, учитывая, что значительной частью населения является молодежь, не могло не вызвать волну негодования в массах. Поэтому Ахмадинежаду был необходим голос поддержки со стороны народа.

В 2007 г. Министерство культуры и исламской ориентации Ирана начало кампанию непосредственно против рэп-музыки, которая была признана непристойной¹². Официальный представитель министерства Мохаммад Даштголи объявил, что будет вестись борьба с нелегальными звукозаписывающими студиями и рэп-исполнителями. Он также отметил, что власти не имеют ничего против жанра как такового, но из-за использования вульгарной лексики данный музыкальный стиль был признан вне закона¹³.

⁸ Так, например, исполнитель Ясер Бахтияри в 2003 г. после землетрясения в провинции Керман создал несколько композиций, основным мотивом которых было общественное объединение вокруг национальной трагедии.

⁹ Music fails to chime with Islamic values, says Iran's supreme leader [Электронный ресурс] // The Guardian, 2 Aug. 2010. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/aug/02/iran-supreme-leader-music-islam>

¹⁰ Music will never die, Iranian exiles say [Электронный ресурс] // The Sydney Morning Herald, 4 Aug. 2010. URL: <https://www.smh.com.au/world/music-will-never-die-iranian-exiles-say-20100804-118rw.html>

¹¹ Iran declares ban on western music [Электронный ресурс] // The Guardian, 20 Dec. 2005. URL: <https://www.theguardian.com/world/2005/dec/20/iran>

¹² Iran targets 'obscene' rap music [Электронный ресурс] // BBC News, 9 Nov. 2007. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/7119097.stm

¹³ Iran's 'illegal' rappers want cultural revolution [Электронный ресурс] // Independent, 28 Jan. 2008. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/irans-illegal-rappers-want-cultural-revolution-774943.html>

Распространение музыки происходит нелегально через Интернет на многочисленных сайтах. Начинающие исполнители платят деньги таким платформам для трансляции своих произведений. Если композиция имеет успех и набирает популярность в массах, то в таком случае заключается договор, регламентирующий его права использования произведения. Однако распространение своего творчества вне Интернета для музыкантов достаточно проблематично. Магазины, реализующие компакт-диски, даже располагая несколькими копиями нелегальных иностранных CD, отказываются продавать иранский подпольный хип-хоп под страхом тюремного заключения. Например, в 2009 г. в городе Урмия за дистрибуцию были арестованы 12 человек¹⁴.

Что касается концертов, то артисты чаще всего устраивают их в соседних странах, так как в Иране редко дают разрешение на проведение даже концертов фольклорной музыки. Мохаммад Реза Шаджариан, один из самых популярных иранских народных исполнителей, считает, что причиной этому является страх власти перед оппозицией, которая использует массовые мероприятия для выражения своих мнений. «Они боятся моих концертов, потому что за несколько минут до начала, когда в зале гаснет свет и наступает тишина, иногда кто-то неожиданно выкрикивает “смерть диктатору”, и многие поддерживают этот лозунг, а полиция не может вычислить зачинщика»¹⁵.

В ноябре 2010 г. Хоссейн Саджедина, глава тегеранской полиции, выступил с заявлением об успешном задержании группы молодых людей, которые занимались созданием нелегальной антиисламской музыки. Он также отметил, что полиция начала следить за одним из пустующих зданий, в котором, по анонимным сообщениям, собирались юноши и девушки «необычной внешности с музыкальными инструментами»¹⁶. Арест был проведен в ходе рейда, направленного против развития подпольной хип-хоп-индустрии в столице. Такие действия со стороны властей и общества пугают иранскую молодежь. Поэтому отношения между соседями становятся важной частью их жизни, так как пока они уверены в том, что из квартиры снизу не позвонят в полицию, они могут свободно проводить свой досуг, слушая любимую музыку и танцуя, как им хочется.

В 2012 г. хип-хоп-исполнитель Шахин Наджафи, проживающий в Германии, опубликовал свою песню, в которой есть прямые отсылки к десятому шиитскому имаму Али аль-Хади. Многие посчитали, что молодой музыкант оскорбил их религиозные чувства, другие же встали на его защиту. Сам Наджафи считает, что данный резонанс – лишь предлог для критики западной культуры. «В своей песне я поднял социальные проблемы, стоящие в иранском обществе, но, кажется, люди просто зациклились на слове “имам”»¹⁷. Аятолла Насер Макареме Ширази прокомментировал данное произведение, назвав его богохульством. «Такой беспредел по отношению к имаму <...> и очевидное оскорбление его личности является вероотступничеством для мусульманина», – заявил он¹⁸. Помимо этого, на одном из иранских религиозных сайтов, посвященных

¹⁴ The dangers of Iranian hip-hop [Электронный ресурс] // The Generation, 16 Feb. 2013. URL: <http://the-generation.net/the-dangers-of-iranian-hip-hop/>

¹⁵ Cit. ex.: Ibid.

¹⁶ Why Iran is cracking down on rap music [Электронный ресурс] // The Telegraph, 10 Nov. 2010. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iran/8123046/Why-Iran-is-cracking-down-on-rap-music.html>

¹⁷ Cit. ex.: Iranian rapper faces death threats and fatwa for ‘blasphemous’ song [Электронный ресурс] // The Guardian, 14 May 2012. URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/may/14/iranian-rapper-death-threat-fatwa>

¹⁸ Cit. ex.: Ibid.

контролю над соблюдением религиозных норм, появилось объявление, в котором за убийство Наджафи предлагалась награда в 100 тыс. долл.¹⁹

С приходом к власти Хасана Рухани в 2013 г. положение дел осталось почти неизменным. Пресс-секретарь Министерства культуры и исламской ориентации Ирана Хоссейн Нуш-Абади заявил, что «современная музыка является причиной неадекватного поведения, которое негативно влияет на общество. Нам это не нужно, и мы будем препятствовать проведению таких концертов и других подобных мероприятий»²⁰.

5 июня 2016 г. двух иранских музыкантов Мехди и Хоссейна Раджабиана, приговорили к шести годам тюремного заключения (после апелляции наказание смягчили до трех лет) за «оскорбление веры и агитацию против действующего режима»²¹. Два брата были управляющими менеджерами лейбла Barg Music, который был ориентирован на продюсирование и дистрибуцию электронной музыки.

1 июля 2017 г. группа артистов и сторонников свободного искусства из разных стран при поддержке Центра прав человека в Иране отправили открытое письмо нынешнему президенту, в котором попросили пересмотреть приговор и отпустить заключенных. В письме также указано, что за 2016 г. независимая организация Freemuse, защищающая права деятелей искусства, задокументировала 39 случаев нарушений свободы творчества в Иране, 19 из которых закончились вынесением приговоров о тюремном сроке²².

Подводя итог, можно заключить, что отношение государственной власти к западной культуре и хип-хопу на протяжении последних десятков лет было негативным, оно вновь и вновь приобретало консервативное направление. Проводимая политика контроля и ограничения музыкального творчества, в частности рэп-музыки, не могла не вызвать волну негодования со стороны народа. Цензура стала поводом для нелегального распространения хип-хоп-треков.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Cit. ex.: Iran: Ministry announces permanent ban on hip-hop concerts [Электронный ресурс] // Freemuse, 9 Jan. 2015. URL: <https://freemuse.org/news/iran-ministry-announces-permanent-ban-on-hip-hop-concerts/>

²¹ In prison for a year in Iran; artists call for musician's and filmmaker's [Электронный ресурс] // Freemuse, 1 June 2017. URL: <https://freemuse.org/news/prison-year-iran-artists-call-musicians-filmmakers-release/>

²² End yearlong imprisonment of artists Letter to His-Excellency Dr. Hassan Rouhani [Электронный ресурс] // Freemuse. URL: http://freemuse.org/wp-content/uploads/2017/06/Iran_End-year-long-imprisonment-of-artists_Letter-to_His-Excellency-Dr-Hassan-Rouhani.pdf

Н.А. Панин

Национальная идентичность африканеров: переосмысление в контексте поликультурной среды пост-апартеидной ЮАР

В статье рассматриваются основные составляющие национальной идентичности африканеров сегодня. Современная поликультурная среда пост-апартеидной ЮАР во многом их обуславливает. Однако в связи с имеющимися дискуссиями о критериях принадлежности к африканерскому сообществу значимость приобретает его самоопределение, которое, с одной стороны, ориентируется на традицию, включающую память об апартеиде, с другой – приобретает новые формы.

Ключевые слова: африкаанс, африканеры, Южная Африка, африканерство, национальная идентичность.

Выступая в университете Стелленбоша в апреле 2004 г., известный историк, президент Южноафриканского института межрасовых отношений Херманн Гилиоме заявил: «История – вот что недавно произошло с африканерами». Так Гилиоме определил положение африканерского сообщества в период перехода Южной Африки от апартеида к демократической, не основанной на расовости, «новой» Южной Африке. По его словам, в 1994 г. африканеры обнаружили, что их власть была хрупкой и преходящей. Несмотря на то что они обладали сильнейшей армией на африканском континенте, им пришлось отказаться от власти, потому что они слишком долго не делили ее и не распределяли. Вместо того чтобы планировать передачу власти, они думали, что Южная Африка никогда не будет управляться без них. Будучи еще у власти, африканеры искали свою безопасность в планах и проектах, которые не позволили бы реализовать действительную безопасность. Когда они отказались от власти, то обнаружили, что к ним относятся как к героям трагедии «Король Лир». Поскольку они оказались политически бессильны в Южной Африке после апартеида, их

высмеивали и презирали даже те, кто хвалил их, пока они все еще находились у власти¹.

Неудивительно, что в пост-апартеидный период многие африканеры переживают кризис идентичности и чувствуют, что участвуют в борьбе за выживание. Старая национальная идентичность африканеров подвергается уже на протяжении более чем 20 лет коренному пересмотру.

«Африканер» в сознании многих – это термин, тесно связанный с колониальным прошлым Южной Африки и в большей степени – с эпохой апартеида. Концепт «африканера» был присвоен Национальной партией (*Nasionale Party*), чтобы обратиться к бедным и бесправным белым людям после англо-бурской войны 1899–1902 гг., установив сильную социальную идентичность, основанную на культуре и расе – двух важных элементах, определяющих межгрупповое поведение². Когда в 1948 г. Национальная партия пришла к власти, Йоханнес Стрейдом, бескомпромиссный националист по своим взглядам и премьер-министр в период между 1954–1958 гг., выступил с идеей *“eendersdenkendheid”*. Это слово на африкаанс означает «одинаковомыслие». Институциональным выражением этой концепции стал режим апартеида, и оппозиция апартеиду в рамках *“eendersdenkendheid”* была столь же изменнической, как отказ от защиты своей страны во время войны. Это требование конформизма к определенной этнической конфигурации гетеропатриархального белого превосходства понижало национализм африканеров, и государственная власть усиливала эту тенденцию. Любой, кто не соглашался с этой установкой, объявлялся *“volksverraaier”* или предателем народа (африканеров).

Сегодня, когда основами государственного строя ЮАР являются уважение человеческого достоинства, равенство, защита прав и свобод человека независимо от расовой, этнической и половой принадлежности, многопартийная демократическая система, призванная обеспечить ответственность, гибкость и открытость³, в культуре африканеров на смену *“eendersdenkendheid”* приходит *“andersdenkendheid”*, то есть неконформистское мышление как демократический долг африканеров. Как и «одинаковомыслие», *“andersdenkendheid”* – коллективный термин, поскольку необходимым условием его существования является то, что ему следует группа людей, более одного человека. Однако это прямое противопоставление апартеидному конформизму через критическое осмысление действительности, которое неизбежно порождает различные точки зрения в рамках одного коллектива.

Почему апартеидное правительство делало столь сильный акцент на *“eendersdenkendheid”*, что отход от этого принципа приравнивался к *“volksverraad”* (измене)? Как и любая национальная идентичность, «африканерство» – сконструированная идентичность. Она была вымощена на основе расы, пола, класса и, что важнее, этнической принадлежности⁴. Оказавшись выстроенным на основе африканерского национализма, «африканерство» при этом явилось неустойчивой идентичностью. С одной стороны, его основу составляло утверждение господства англо-саксонской «белости», с

¹ См.: Vissor W. Afrikaner responses to post-apartheid South Africa: Diaspora and the re-negotiation of a cultural-identity // *New Contree*. 2007. № 54. P. 1–2.

² Hubbert K.N., Gudykunst W.B., Guerrero S.L. Intergroup communication overtime // *International Journal of Intercultural Relations*. 1999. № 23. P. 13–46.

³ The Constitution of the Republic of South Africa, 1996 [Электронный ресурс] // South African Government. URL: <https://www.gov.za/documents/constitution-republic-south-africa-1996>

⁴ Westhuizen Ch. van der. Identities at the Intersection of Race, Gender, Sexuality and Class in a Liberalising, Democratising South Africa: the Reconstitution of ‘the Afrikaner Woman’: Thesis Presented for the Degree of Doctor of Philosophy. University of Cape Town, 2013. 287 p.

другой – собственная обособленность на основе этнической принадлежности. При этом отбрасывалось тождество с «африканскими» черными этносами – что в противном случае грозило потерей привилегии «белости».

Почему африканерская национальная идентичность оказалась построена на подобном двойном противопоставлении? Один из ответов заключается в истории колонизации Южной Африки двумя конкурирующими переселенческими группами. В XIX в. африканеры, потомки первых колонистов-буров, прибывших в Столовую бухту еще в середине XVII в., оказались вытеснены Британской империей, что не могло не вызвать столкновений между бурами и англичанами и не отразиться на формировании их национального характера.

Одним из ключевых концептов в этой связи стало “*ordentlikheid*”⁵. Это слово трудно перевести: помимо респектабельности его значения включают презентабельность, хорошие манеры, порядочность, вежливость и кальвинистское смирение. Изучение национальной идентичности африканеров через призму “*ordentlikheid*” раскрывает ее как меньшую «белость» в сравнении с белой англоязычной южноафриканской идентичностью, которая, в свою очередь, опирается на глобальную англо-белую. При этом парадоксально, что, хотя концепция “*ordentlikheid*” основана и развита на основе белой англоязычной респектабельности, она одновременно является тем, что отличает «африканерскую белость» от белой англоязычной идентичности.

Эта динамика прослеживается исторически. Как пишет историк Тимоти Киган, к концу 1800-х гг. буры считались «низшим или деградировавшим классом колонистов». Они изображались британскими поселенцами как безвольные, бестолковые, простые, невежественные и даже грязные. Так, лорд Герберт Китченер, главнокомандующий британскими войсками в англо-бурской войне, пришел к выводу, что буры были «нецивилизованными африканерскими дикарями с капелькой белого лоска». Но даже в 1975 г. негативные стереотипы об африканерах все еще изобиловали, например в эссе, написанном священником и доцентом кафедры политики университета Родоса Нэнси Чартон. Она суммирует «эмпирические данные» об отношениях англоязычных белых с «африканерами» и перечисляет положительные стереотипы (такие как простота и добродушие), а также негативные (такие как некультурность, суеверность и низкая эффективность). Уничижительные термины для африканеров включали «голландец», «волосатый», «горный паук», «пожиратель маиса», «заднедворец», «деревня»*. Эти насмешливые термины показывают элемент культурного и социального превосходства белой англоязычной идентичности, о которой Чартон говорит одобрительно⁶.

Отсюда и происходит сопротивление «африканерской белости» господству «англоязычной белости». Африканеры бросили вызов гегемонистской белой англоязычной культуре через противодействующий дискурс африканерских “*volkstrots*” (предметов народ-

⁵ Westhuizen Ch. van der. *Sitting Pretty: White Afrikaans Women in Post-apartheid South Africa*. Scottsville: University of KwaZulu-Natal Press, 2017. 240 p.

⁶ Charton N.C.J. *Afrikaners as Seen by Africans // Looking at the Afrikaner today*. Cape Town, 1975.

* “Dutchman”, “hairyback”, “rock spider”, “mealie muncher”, “bywoner” (backyard dweller), “backvelder”.

ной гордости), преимущественно заключающихся в благородных страданиях и кальвинистской порядочности. Исторические труды, написанные в 1960-х гг. и выдержанные в националистических тонах, представляли африканеров как гостеприимных, храбрых и справедливых христиан.

На современном этапе переосмысления национальной идентичности африканеров и их постепенного культурно-социального сближения с англоязычным белым меньшинством ЮАР термин "*ordentlikheid*" получает новую трактовку: уже в контексте свойственной для англоязычной идентичности вежливости и хороших манер. Поддаваясь англо-культуре, африканеры остаются привязанными к «белости» как к основополагающему и формирующему элементу своей идентичности вместо того, чтобы стремиться преодолеть «белость» и, следовательно, «расу» и расизм.

Наряду с «белостью» ключевым элементом идентичности африканеров остается язык африкаанс⁷. Х. Гилиоме отметил, что «в 2002 г. на африкаанс в качестве родного языка говорило 6 млн человек, или 15% от общей численности населения ЮАР, делая африкаанс-говорящих третьим по величине языковым сообществом», добавив, что при этом «на африкаанс в качестве первого языка говорило больше черных и цветных, чем белых»⁸.

Впрочем, опросы африкаанс-говорящих показывают, что сам по себе язык – без привязки к «белости» – не является критерием определения человека как «африканера». Результаты качественного анализа отзывов о выставке "*Jong Afrikaner*" («Молодой африканер»), проведенного П. Тойниссен⁹, показывают, что если вопрос «Можно ли считать цветных, говорящих на африкаанс, африканерами?» вызывал дискуссии, то само допущение «черных африканеров» отвергалось напрочь. Один из участников опросов о становлении идентичности африканеров в Южной Африке после апартеида, проводимых Венви и Квейль¹⁰, определил «африканера» следующим образом: «Африканер – это белый человек, говорящий на африкаанс. Коротко и ясно».

В своем исследовании Венви и Квейль пришли к выводу, что респонденты их социального опроса предприняли осознанные усилия, чтобы отбросить некоторые видимые аспекты идентичности африканеров, такие как стереотипы, история и культура, явный расизм и, как ни странно, значимость языка африкаанс – одну из основ африканерского национализма, традиционно рассматривавшуюся как «хранилище наследия африканеров, творчества африканеров, души африканеров, власти африканеров». В то же время респонденты сохраняли «белость» как центральный для своей идентичности концепт, а также рециркулируемый дискурс, уходящий в идеологию апартеида, заявляющий о «черной некомпетентности» и «белых под угрозой».

Такая характеристика представляется довольно однобокой, поскольку в настоящий момент сложно говорить о стабильности либо однородности национальной идентичности африканеров, и исследование Блазера¹¹, также основанное на опросе молодых африканеров, однако уже из другого, более молодого поколения, под-

⁷ Cloete E. Afrikaner identity: culture, tradition and gender // Agenda Feminist Media. 1992. № 13. P. 42–56.

⁸ Giliomee H. The Afrikaners. Biography of a people. Charlottesville: University of Virginia Press, 2009.

⁹ Theunissen P. Being 'Afrikaans': A contested identity. Paper presented at the International Communication Association Annual Conference, San Juan, Puerto Rico. 21–25 May 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://aut.researchgateway.ac.nz/bitstream/handle/10292/8813/Abstract%20ICA%20Afrikaner%20identity%20MAY2015.pdf?sequence=7&isAllowed=y>

¹⁰ Venvey C., Quayle M. Whiteness, racism, and Afrikaner identity in post-apartheid South Africa // African Affairs. 2012. № 111/445. P. 551–575.

¹¹ Blaser T. 'I don't know what I am': the end of Afrikaner nationalism in post-apartheid South Africa // Transformation: Critical Perspectives on Southern Africa. 2012. № 80. P. 1–21.

тверждает эту мысль и указывает на сложные когнитивные процессы, происходящие в африканерской среде.

Один из этих процессов – появление разрыва поколений: заставшие апартеид поколения можно условно отнести к «поколению травмы» или к «поколению вины», в то время как более современные поколения африканеров стремятся дистанцироваться от апартеидного прошлого и, соответственно, от поколений своих родителей. Иллюстрацией тому может служить ответ одного из респондентов исследования Венви и Квейль: «Моя жизнь не о том, откуда я родом, а о том, куда я иду. Культура важна, но я не большой любитель культуры».

Еще одним процессом, на который стоит обратить внимание, является то, что после 1994 г. африканеры, возможно впервые в истории, начали постепенно осознавать себя именно как африканский народ. Действительно, само слово «африканер» на африкаанс означает «африканец», и дискурс об африканерской уникальности как африканского народа частично присутствовал даже при апартеиде. Впрочем, в современных условиях полиэтничности сближение «африканерского» и «африканского» – отличный от подобной трактовки и гораздо более глубокий процесс. По словам известного южноафриканского писателя Брейтена Брейтенбаха, несмотря на то что «африкаанс – всего лишь африканерское слово для “африканского”», парадокс его мироощущения состоит в том, что он одновременно ощущает и не ощущает себя африканцем. Ему вторит кинорежиссер Макс Дю Преез: «Так же, как я не могу изменить цвет своей кожи, я не могу стать американцем, европейцем или австралийцем. Я навсегда останусь чужеземцем, как белый медведь в зоопарке Претории. Мой цвет кожи – единственное европейское, что есть во мне, африканере-африканце. Я дважды называю себя в честь континента, я рожден здесь, но в отличие от большинства других местных, я бледный».

Наконец отметим, что поколение африканеров после апартеида иначе видит себя экономически. Африканеры сегодня – поколение предпринимателей, ничего не ждущих от государства и самостоятельно заботящихся о себе. Новая экономическая реальность при сохранении кальвинистской этики вырабатывает новый африканерский идеал частного предпринимательства, где центральную роль играют опора на собственные силы и взаимопомощь внутри африканерского сообщества.

Подводя итоги, можно сказать, что культурная идентичность африканеров и язык африкаанс сохранятся в Южной Африке, если только сами африканеры продемонстрируют внутреннее желание этого. На мой взгляд, именно внутренняя решимость выживания культурной самобытности и языка, более чем внешние давления и угрозы, будет влиять на будущее африканеров в «новой» Южной Африке. По словам Х. Гилиома, величайшая задача для африканеров и всех носителей африкаанс в нынешнем тысячелетии будет заключаться в том, чтобы питать и пополнять свою любовь к своему языку и своей земле и принимать на себя ответственность передать свое культурное наследие следующему поколению. Если африканеры примут этот вызов, они по-своему смогут стать частью новой, демократической Южной Африки.

МЕЖДУ РЕФОРМАМИ И ТРАДИЦИЯМИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 61(680)
ББК 51.1(6Южн)

М.В. Грачева

Традиционная медицина в системе современного здравоохранения ЮАР

Традиционная медицина играет важную роль в здравоохранении стран Африки южнее Сахары, и Южная Африка здесь не исключение. Часто именно ее представители – традиционные знахари – оказывают первую помощь населению, поэтому они имеют определенное значение и для государства. В данной статье рассмотрено, что из себя представляет традиционная медицина, каковы причины обращения к ней, а также то, каким образом правительство ЮАР пытается включить традиционную медицину в современную систему здравоохранения.

Ключевые слова: Южная Африка, традиционная медицина, традиционные знахари, сангомы, здоровье, здравоохранение, ВИЧ.

Будучи неотъемлемой частью культуры африканских народов, традиционная медицина играет важную роль в здравоохранении африканских стран, и Южная Африка здесь не исключение. Различные исследования показывают, что 70–80%¹ черного населения ЮАР как в городах, так и в сельской местности консультируются у традиционных целителей. По разным оценкам, в Южной Африке ведут свою деятельность более 200 тыс. народных врачей², а объем торговли традиционными медикаментами оценивается в 2,9 млрд рандов в год, что составляет 5,6% от национального бюджета здравоохранения (2008)³.

Несмотря на то что большинство населения Южной Африки столетиями обращалось к традиционной медицине, ее эффективность не признавалась колониальными властями и правительством времен апартеида. Только после демократических выборов 1994 г. правительство ЮАР приступило к рассмотрению возможности официального признания народных врачей в качестве неотъемлемой части системы национального здравоохранения Южной Африки. Спустя 24 года дискуссии о том, как интегрировать традиционную медицину в систему здравоохранения, все еще продолжаются.

¹ UNAIDS best practice collection. Collaborating with traditional healers for HIV prevention and care in sub-Saharan Africa: suggestions for programme managers and field workers. Geneva, 2006. 56 p.

² Gibson M.M. Views on traditional healing: Implications for integration of traditional healing and Western medicine in South Africa. Pretoria, 2012. 190 p.

³ Mander M., Ntuli L., Die-dेरichs N., Mavundla K. Economics of the traditional medicine trade in South Africa. South African Health Review. 2007. 8 p.

Южная Африка испытывает нехватку квалифицированных специалистов в области здравоохранения. Согласно статистике Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в Южной Африке на 1000 человек приходится 0,818 врачей⁴. ВОЗ рекомендует минимум одного врача на каждую тысячу человек⁵. Стоит также сказать, что помимо нехватки врачей некоторые больницы сталкиваются с недостатком лекарственных средств. Так, например, в прошлом году больницы провинции Хаутенг испытали серьезную нехватку лекарств, используемых для лечения туберкулеза и диабета⁶. Еще одной проблемой является быстрый рост цен на медикаменты и услуги врачей, что заставляет бедное население искать другие пути для получения первичной медицинской помощи. Одним из таких путей является обращение к традиционной медицине. Она относительно дешева, доступна и проверена многовековым опытом использования. Безусловно, обращение к традиционной медицине обуславливается не только вышеперечисленными проблемами в сфере здравоохранения, но также доверием африканцев методам, которые из поколения в поколение использовали их предки.

Согласно Всемирной организации здравоохранения, традиционная (народная) медицина «представляет собой общий итог накопленных знаний, навыков и практики, которые основаны на теориях, верованиях и опыте коренных народов и представителей различных культур, независимо от того, можем мы их объяснить или нет, и используются для поддержания здоровья, а также для профилактики, диагностики, улучшения или лечения при физических и психических расстройствах»⁷.

Системы здравоохранения в любом обществе тем или иным образом связаны с его культурой и мировоззрением, и каждое общество вырабатывает свои собственные методы лечения болезней. В странах Африки южнее Сахары народная медицина тесно связана с традиционными религиозными верованиями африканцев, поэтому большую роль играют мир духов и почитание культа предков. Причину болезни традиционная медицина видит в конфликте между душой и телом. Нередко знахарь вступает в контакт с потусторонним миром, чтобы определить причину жалоб заболевшего, а также для того, чтобы понять, почему та или иная болезнь появилась у определенного человека в определенное время⁸.

В Южной Африке существуют разные виды народных целителей, и, хотя в научной среде все еще идут споры об их разграничении, все же можно выделить гадалелей (сангом), собирателей лекарственных трав (иньянг), традиционных хирургов и повитух. Границы между разными категориями знахарей могут стираться, так как, например, травник может быть также специалистом и в гадании.

Народная медицина главным образом используется для лечения заболеваний, для которых не нужно оперативное вмешательство: малярия, туберкулез, гипертония, кожные заболевания, а также психические расстройства. Из-за недостатка антиретровирусных препаратов все больше растет роль традиционной медицины в уходе за людьми, живущими с ВИЧ и СПИДом⁹. В исследованиях, про-

⁴ Density of physicians (total number per 1000 population, latest available year) [Электронный ресурс] // World Health Organization. URL: http://www.who.int/gho/health_workforce/physicians_density/en/

⁵ Ibid.

⁶ Essential medicines shortage hit Gauteng [Электронный ресурс] // Health-E News. The South African Health News Service. URL: <https://www.health-e.org.za/2017/07/06/essential-medication-shortage-gauteng-hospitals-clinics/>

⁷ Traditional medicine – Growing needs and potential [Электронный ресурс] // WHO Policy Perspectives on Medicines. 2002. № 2. URL: <http://bit.ly/90Thha>

⁸ Громова О.Б., Рыбалкина И.Г. Традиционная медицина в системе здравоохранения стран Африки // Азия и Африка сегодня. 2017. № 1. С. 57–61.

⁹ Там же.

водившихся в Южной Африке, выделяются также особые магические проблемы, с которыми опрашиваемые, как в сельской местности провинции Мпумаланга¹⁰, так и в больших городах провинции Квазулу-Натал: Дурбане и Питермарицбурге¹¹, обращались к знахарям. К проблемам, которые не могут быть решены при помощи обращения в больницу, относятся неудача, одержимость духами и порча. При этом различные похожие исследования ссылаются на высказывания опрашиваемых о том, что их обращение к традиционным целителям происходит только после посещения врача и только в том случае, если назначенное им лечение не действует.

В африканской традиционной медицине существует несколько методов постановки диагноза: связь с духами, как уже упоминалось выше, гадание на костях и интерпретация снов. Дух предка знахаря спускается из космического мира и овладевает его телом, в то время как собственная личность врача уходит на второй план. Таким образом, предки целителя могут говорить с его пациентом напрямую. Гадательные кости – еще один способ, позволяющий предкам знахаря связаться с пациентом. Именно духи контролируют то, каким образом упадут кости, а задача гадателя – верно расшифровать послание. И, наконец, сны – третий способ, через который духи связываются с нашим миром. Во сне, например, собирателю трав может прийти видение в виде определенного растения, которое поможет в лечении пациента.

Причины болезней человека так или иначе связаны с миром сверхъестественного¹². Иногда умершие предки хотят, чтобы их живой потомок присоединился к ним в мире мертвых, что может вызвать серьезную болезнь или даже смерть этого человека. Еще одна причина болезни может заключаться в назойливых духах. Случается, что душа умершего застревает или теряется между мирами. Обычно это происходит в случае, если причиной смерти человека послужили война, суицид, наркотики, алкоголь или убийство. Так, например, причину тяжелого состояния психики ветерана войны знахарь может увидеть не в посттравматическом синдроме, а в душах убитых, которые теперь терзают этого человека. Третьей причиной болезни может являться черная магия. Вера в колдовство глубоко укоренилась в разных африканских обществах, его темная сторона рассматривается как «оружие», используемое для нанесения вреда врагам.

Народные целители играют важную роль во многих сферах жизни людей. Помимо роли «хранителей медицинских знаний» они также могут выполнять работу психотерапевтов, социальных работников, учителей в области традиционной культуры и духовности.

Несмотря на то что традиционные целители оказывают услуги миллионам южноафриканцев, профессиональные врачи относятся к знахарям двойственно¹³. С одной стороны, они понимают, что народные врачеватели являются важнейшей частью системы здравоохранения Южной Африки, и готовы с ними сотрудничать, но, с другой стороны, врачи обеспокоены тем, что лечение, предписанное сангомой, может не только не приносить результатов, но

¹⁰ King B. We pray at church in the day and visit the sangomas at night: Health discourses and traditional medicine in rural South Africa // *Annals of the Association of American Geographers*. 2012. № 102 (5). P. 1173–1181.

¹¹ Peltzer K., Mngqundaniso N. Patients Consulting Traditional Health Practitioners in the Context of HIV/AIDS in Urban Areas in KwaZulu-Natal, South Africa // *African Journal of Traditional, Complementary and Alternative Medicines*. 2008. № 5 (4). P. 370–379.

¹² Ibid.

¹³ Audet C.M., Ngobeni S., Wagner R.G. Traditional healer treatment of HIV persists in the era of ART: a mixed methods study from rural South Africa [Электронный ресурс] // *BMC complementary and alternative medicine*. URL: <https://bmccomplemental-ternmed.biomedcentral.com/track/pdf/10.1186/s12906-017-1934-6>

и мешать лечению, назначенному врачом. Доктора предпочли бы, чтобы их пациенты не использовали традиционную медицину вообще, но признают, что многие из их пациентов будут продолжать это делать.

В 2011 г. в сельских и городских больницах в провинциях Лимпопо и Хаутенг при поддержке Института Южной Африки проводилось большое исследование, целью которого было выяснить отношение медицинского персонала (врачей и медсестер) к традиционным целителям¹⁴. Опрос проводился с помощью специальных анкет, которые опрашиваемые заполняли самостоятельно в любое удобное для них время. Было опрошено 500 человек, но в конечном итоге для подсчета голосов было отобрано 319 анкет. Более половины медицинского персонала считает, что традиционная медицина может быть эффективно задействована при оказании первой медицинской помощи. Более 2/3 сказали, что они будут рассматривать как классическую, так и традиционную медицину в случае собственной болезни. Хотя опрашиваемые, по их словам, сами не пользуются услугами традиционных целителей, большой процент (75,5%) медицинского персонала отметил, что народные врачеватели востребованы среди их друзей и родственников. Данное исследование также показало, что медицинский персонал неплохо ознакомлен с результатами деятельности целителей. Практикующие врачи полагали, что народные врачеватели могут эффективно лечить бесплодие у женщин, диарею и эпилепсию, а также знали об успехах традиционной медицины в лечении клинической депрессии и шизофрении. Интересно, что 47,3% врачей готовы сотрудничать с традиционными целителями, а 62,1% готовы к ним отправлять своих пациентов.

Традиционные целители являются важным местным ресурсом в борьбе против распространения ВИЧ как в ЮАР, так и в других странах Юга Африки. По статистике, к услугам традиционной медицины прибегают до 75% людей, живущих с этой болезнью¹⁵. Основной причиной обращения ВИЧ-инфицированных к традиционным целителям, главным образом в сельской местности, является желание сохранить свою болезнь в тайне. Из-за высокого уровня стигматизации и дискриминации больных ВИЧ человек может не обратиться в больницу, боясь распространения информации о своем заболевании. Однако все чаще прослеживается ситуация, когда ВИЧ-инфицированный человек принимает антиретровирусные препараты и одновременно с этим посещает традиционного целителя¹⁶.

Отношение к традиционным целителям в контексте борьбы с ВИЧ остается спорным. Одни исследования подчеркивают недостаточность научной обоснованности традиционных методов, а также недостаток знаний у самих целителей для диагностирования ВИЧ, другие говорят о том, что народные врачеватели полезны в борьбе с распространением ВИЧ. Так, они берут на себя просветительскую роль, разъясняя своим пациентам превентивные меры, причины и последствия ВИЧ, а также необходимость анализов и осмотра у врача¹⁷. Интересно, что народные целители, проинтер-

¹⁴ Gibson M.M. Op. cit.

¹⁵ Гришина Н.В. Современный социокультурный ракурс африканской медицины // Традиционная и современная медицина в Африке. М.: ИАФРПАН, 2017. С. 14–22.

¹⁶ Peltzer K., Mngqundaniso N., Petros G. A controlled study of an HIV/AIDS/STI/TB intervention with traditional healers in KwaZulu-Natal, South Africa // AIDS Behav. 2006. № 10. P. 683–690.

¹⁷ Traditional health practitioners' management of HIV/AIDS in rural South Africa in the era of widespread antiretroviral therapy [Электронный ресурс] // Global Health Action. 2017. № 10 (1). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5645651/>

вьюированные в рамках исследований, проводившихся в Квазулу-Натал, указали, что понимают, что ВИЧ и СПИД не лечатся традиционными методами, поэтому они отправляют своих пациентов в больницы¹⁸.

Согласно классификации Всемирной организации здравоохранения, система здравоохранения ЮАР относится к толерантным системам. Национальное здравоохранение в Южной Африке основано исключительно на доказательной медицине, но некоторые практики традиционной медицины допускаются законом. Правительство ЮАР довольно осторожно относится к традиционной медицине. Поддерживая ее интеграцию в систему здравоохранения на бумаге, оно не делает никакого заметного прогресса в этом направлении на практике. За последние 11 лет был выпущен ряд важных документов (Закон № 22 о традиционных целителях (2007)¹⁹, Правила для народных целителей (2015)²⁰ для того, чтобы разработать организационные и институциональные рамки для регулирования практик народной медицины, а также был опубликован «Проект политики в отношении африканской традиционной медицины» (2008)²¹, в котором на основании опыта других стран даны рекомендации для включения традиционной медицины в национальную систему здравоохранения. Однако в целом никаких кардинальных изменений не произошло. Так, Совет традиционных целителей, созданный в 2013 г. по закону о традиционных целителях для обеспечения регистрации и обучения народных врачей, оказался практически не в состоянии выполнять свои функции²². После начала его работы стало очевидно, что объективно оценить человека, желающего заниматься традиционной медициной, довольно сложно. Стоит также отметить, что публикация в 2015 г. правил для народных целителей – единственное заметное действие совета. Правила, содержащие сведения об обучении и регистрации лиц, желающих работать в качестве традиционных целителей, указывают минимальный возраст, период обучения и необходимые административные процедуры, что проясняет конкретные ожидания от народных врачей. Однако для того, чтобы совет мог эффективно применять предписанные для него правила, необходима база данных традиционных практиков, с помощью которой как совет, так и общественность могли бы получить доступ к информации, подтверждающей добросовестность традиционного целителя.

Хотя на государственном уровне народная медицина сталкивается с проблемами официального признания и регулирования, ее продолжают официально изучать. Так, Южноафриканский комитет по контролю над лекарствами финансировал исследование, проводившееся Центром изучения традиционной медицины университета Кейптауна. Медицинским исследовательским советом ЮАР проводится исследование растения *Sutherlandia Microphylla* (сутерландия), которое, как показали первые результаты, положительно действует на иммунную систему ВИЧ-инфицированных²³. Интересно, что изучение традиционной медицины является частью подготовки медицинского профессионала в некото-

¹⁸ Peltzer K., Mngqundaniso N., Petros G. Op. cit.

¹⁹ Traditional Health Practitioners Act 2007 (Act № 22 of 2007) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sasohn.co.za/files/Traditional%20Health%20Practitioners%20Regulations%202015.pdf>

²⁰ Traditional Health Practitioners Regulations, 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.green-gazette.co.za/notices/traditional-health-practitioners-regulations-2015-extension-of-comment-period-for-the-traditional-health-practitioners-regulations_20160212-GGN-39685-00171.pdf

²¹ Draft policy on African traditional medicine for South Africa // Government Gazette. 2008, July 25.

²² Tshela B. Traditional health practitioners and the authority to issue medical certificates // SAMJ. 2015. Vol. 105. № 4. P. 279–280.

²³ Громова О.Б., Рыбалкина И.Г. Традиционная медицина в системе здравоохранения стран Африки // Азия и Африка сегодня. 2017. № 1. С. 57–61.

рых колледжах. В частности, в учебные программы медицинских колледжей университетов Претории, Витватерсранда и Кейптауна входит посещение клиник народных целителей и изучение их практик²⁴.

Стоит еще раз отметить, что традиционная медицина является важным компонентом системы здравоохранения Южной Африки, но, хотя она существовала на африканском континенте до прихода европейцев, до сих пор, в отличие от западной медицины, она не достигла официального признания и урегулирования. Однако народная медицина не собирается исчезать, ее услугами, как и прежде, будут продолжать пользоваться миллионы южноафриканцев, поэтому она не должна оставаться без официального регулирования или даже внедрения в национальную систему здравоохранения. Это выгодно как самому государству, которое получит доступ более чем к 200 тыс. традиционных целителей, что сократит недостаток медицинского персонала в стране, так и самим целителям, которые получают признание своей деятельности.

²⁴ Там же.

М.В. Конохова

Развитие системы здравоохранения в странах БРИКС

В статье актуализируются вопросы сотрудничества стран БРИКС в области здравоохранения. Отмечается, что взаимные проекты в этой сфере расширяются с развитием политического взаимодействия. В каждой стране БРИКС существует собственная система, однако совместная работа над программами, учитывающими не только собственный опыт, положительно влияет на снижение риска заболеваний и смертности. Прежде всего, внимание уделяется программам борьбы с ВИЧ/СПИДом, туберкулезом, малярией.

Ключевые слова: БРИКС, ВИЧ, туберкулез, экология, здравоохранение, современная медицина.

БРИКС – это международная организация, представляющая собой группу из пяти развивающихся стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика. До присоединения ЮАР в феврале 2011 г. организация носила название БРИК. В рамках БРИК политическое сотрудничество началось с сентября 2006 г.

Со времени своего возникновения организация постепенно превратилась в актора глобального управления. Об этом можно судить по ее значению в мировой экономике и роли как двигателя экономического роста в мире. Однако возросшее влияние БРИКС на международной арене объясняется не только темпами экономического роста входящих стран. Политика государств БРИКС распространилась на разных уровнях и в различных сферах жизни общества. Так, с 2011 г. особое внимание уделяется сотрудничеству в области здравоохранения. В последнее же время актуален вопрос о вкладе БРИКС в формирование повестки дня глобального здравоохранения. Этой проблеме сегодня уделяется повышенное вни-

вание во всем мире, в том числе и в научном сообществе¹. Впервые потенциал БРИКС в модернизации и развитии этой сферы был отмечен еще в 2011 г. По итогам третьего саммита в городе Санья (КНР) была принята декларация², подчеркивающая стремление стран наладить диалог в сфере общественного здравоохранения, в особенности по вопросам борьбы с ВИЧ/СПИДом. С тех пор группа проводит ежегодные совещания, посвященные здравоохранению.

Первое совещание министров здравоохранения стран БРИКС состоялось в Пекине в июле 2011 г. Пекинская декларация подтверждала необходимость сотрудничества в области охраны общественного здоровья между странами БРИКС, с другими государствами и международными организациями³. Деятельность медико-санитарных органов заинтересованных стран была приведена к общему знаменателю, чтобы плодотворно оказывать помощь Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и Объединенной программе Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС). Признавая центральную роль ВОЗ в деле координации международных усилий в сфере здравоохранения, министры подчеркнули важность реформирования ВОЗ. Предполагаемая реформа, в частности, предусматривала укрепление финансирования, мобилизацию ресурсов, усиление роли организации в глобальном управлении здравоохранением, что привело бы к прозрачности организации, улучшению эффективности и подотчетности. Предусмотренные декларацией обязательства в целом были направлены на усиление национальных систем здравоохранения посредством обмена технологиями. В 2012 г. министры здравоохранения договорились о ежегодных встречах в рамках Всемирной ассамблеи здравоохранения. Встречи такого плана и принятые на них соглашения во многом способствовали улучшению качества оказания медицинской помощи, а также повышению уровня здравоохранения в странах БРИКС.

Важным этапом в развитии дальнейшего сотрудничества стран в сфере здравоохранения является подписание Сямэньской декларации⁴, принятой по итогам девятого саммита БРИКС (2017 г.) в Китае. Согласно декларации, государства взяли на себя обязательство развивать инновационные медицинские изделия путем стимулирования НИОТР (научно-исследовательских и опытно-технологических работ). Кроме того, государства планируют повысить доступность лекарств и медицинских услуг через увеличение финансирования здравоохранения и совершенствование системы оказания медуслуг. Качество оказания медпомощи предполагается повысить за счет внедрения инновационно-коммуникационных технологий в здравоохранение, так называемой телемедицины. В частности, было указано на усиление борьбы с ВИЧ и туберкулезом, а также на продолжение сотрудничества в ключевых вопросах общих интересов здравоохранения, включая неинфекционные заболевания, антимикробную резистентность и доступ к лекарствам.

Страны БРИКС неизменно сталкиваются с определенными проблемами в области здравоохранения. Например, в Индии зареги-

¹ См., например: БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития. М.: РУДН, 2013. 222 с.; Чузунков П.И. Международное сотрудничество в сфере здравоохранения в странах БРИКС: правовые аспекты // Молодой ученый. 2015. № 17 (97); Белова Г., Марин Н. БРИКС и проблемы глобального здравоохранения (Юго-Западный Университет им. Неофита Рильского, Благоевград, Болгария) [Электронный ресурс]. URL: <http://ekollog.ru/briks-i-problemi-globalenogo-zdravoohraneniya-brics-and-global.html>; Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Шелепов А.В., Сахаров А.Г. Формирование повестки дня БРИКС в сфере здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: <https://iorj.hse.ru/data/2014/12/26/1104113347/BRICShealthrus.pdf>; Чен М. Растущий вклад Китая в здравоохранение внутри страны и на мировой арене (Лекция в Китайской академии управления, Пекин, 18 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/dg/speeches/2016/china-contribution-health/ru/>; Фримэн Ч.У., Бойнтон С. Китайская дипломатия в сфере глобального здравоохранения: незначительное, но действенное влияние [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268031369/4.pdf>; Кук Дж.Дж. Южная Африка и глобальное здравоохранение: на повестке дня решение внутренних задач развития [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/12/29/1270394551/10.pdf>; и др.

² Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС (г. Санья, о. Хайнань, Китай, 14 апреля 2011 г.) [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/907>

³ BRICS Health Ministers' Meeting-Beijing Declaration [Электронный ресурс] // Knowledge ecology international, 11.07.2011. URL: <https://www.keionline.org/21631>

⁴ Сямэньская декларация руководителей стран БРИКС (г. Сямэнь, Китай, 4 сентября 2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/09/2017-09-05_BRICS_Declaration.pdf

стрирован довольно высокий уровень материнской и младенческой смертности по сравнению с другими странами. В ЮАР широко распространена ВИЧ-инфекция. В Российской Федерации одной из основных проблем общественного здравоохранения является злоупотребление алкоголем.

Для БРИКС характерно отсутствие взаимосвязи между благосостоянием и здоровьем. Быстрое развитие экономики вызвало проблемы, требующие незамедлительного решения. Экономическому росту и урбанизации сопутствуют высокий уровень городской нищеты, загрязнение окружающей среды. Число пожилых людей возросло, в то время как рождаемость снизилась. С увеличением продолжительности жизни заметно вырос показатель по инфекционным заболеваниям. Значительно увеличился показатель травматизма, связанного с дорожно-транспортными происшествиями. В этих условиях страны БРИКС сталкиваются с бременем «двойной» болезни, когда к инфекционным заболеваниям присоединяются болезни, к примеру, вызванные загрязнением воздуха или ДТП, тем же злоупотреблением алкоголя или использованием наркотических средств. Из всего этого следует, что оздоровление общества является первостепенной задачей для стран БРИКС.

Национальные приоритеты стран-участниц во многом совпадают с основными вопросами, стоящими перед министерствами здравоохранения. Решая проблемы медицины на национальном уровне и обеспечивая медико-санитарными услугами большую часть населения, страны БРИКС способствуют улучшению здоровья людей по всему миру. Они стали своего рода примером для многих развивающихся стран. За несколько лет страны накопили богатый опыт и знания в укреплении системы здравоохранения, распространении и производстве дешевых лекарств и вакцин, поэтому другие страны, с низким и средним уровнем дохода, посредством сотрудничества с ними могут извлечь для себя определенные выгоды, перенимая этот опыт.

Для стран-участниц сотрудничество с другими государствами, передача и обмен технологиями в области здравоохранения также являются важным аспектом их политики. Безусловно, каждое государство БРИКС по-своему использует здравоохранение в контексте так называемой стратегии «мягкой силы». Следует отметить, что страны БРИКС часто называют «нетрадиционными донорами». В большей степени они заинтересованы в сотрудничестве по линии «Юг-Юг» (между развивающимися странами), которое отличается от традиционной международной помощи тем, что такая помощь не связана с требованиями проведения экономических и политических реформ, не ограничивается только финансами, а включает обмен ресурсами, технологиями и знаниями. Страны БРИКС, взаимодействуя с другими странами, придерживаются партнерских отношений и принципа невмешательства. Исследуя подходы основных лидеров в области глобального здравоохранения, они проявляют заинтересованность в трехстороннем сотрудничестве, например между страной БРИКС, какой-либо африканской и европейской страной.

В последнее время страны БРИКС все больше внимания уделяют Африке. В основном это обусловлено ролью африканского ресурсного потенциала в мировой экономике и реалистичной оценкой перспектив континента как одного из двигателей мирового экономического развития. Вместе с тем именно в Африке наиболее распространены современные проблемы здравоохранения. Большинство стран с самыми высокими показателями материнской смертности являются африканскими. Для региона характерны самые высокие показатели смертности среди новорожденных. Африканские системы здравоохранения перегружены сочетанием инфекционных и неинфекционных заболеваний. Кроме того, антисанитария наблюдается во многих африканских странах, так как существует нехватка в элементарных средствах санитарии и гигиены. Почти половина жителей юга Африки не имеют доступа к безопасной воде. Возрастает показатель заболеваемости неинфекционными болезнями, такими как сердечно-сосудистые заболевания и диабет, а травматизм остается в числе ведущих причин смерти в регионе. Ситуацию осложняют имеющиеся место вспышки военных действий в той или иной стране.

Уровень здравоохранения африканских стран небезразличен для всего мирового сообщества. Частные предприятия и правительства БРИКС принимают активное участие в секторе здравоохранения стран континента, которое заключается в подготовке специалистов и строительстве больниц. Каждая страна-участница внесла свой вклад в развитие системы здравоохранения африканских стран. При этом они имеют свои характерные отличия, которые касаются мировой дипломатии в области охраны здоровья.

Наиболее активным партнером Африки является Китай. Китайская помощь Африке в сфере медицины является частью комплексной дипломатии, которая с течением времени обеспечила усиление влияния Китая на страны и население Африки. Еще в 1960-е гг. Китай начал оказывать помощь в сфере здравоохранения африканским странам. В 1963 г. в Алжир была направлена первая медицинская бригада. Примечательно, что работа китайских медиков, помимо широкого спектра медицинских специализаций, включала традиционную китайскую медицину, в частности такой вид лечения, как акупунктура. С тех пор деятельность Китая стала своего рода образцом международной помощи в области здравоохранения.

Программа Китая в сфере здравоохранения включает обучение местных кадров базовым навыкам оказания медицинской помощи, а также поставку медикаментов и медицинского оборудования в некоторые страны Африки. В последнее время наблюдается стабильный рост торговли фармацевтической продукцией между странами Африки и Китаем. Ведущими экспортными направлениями Китая в сфере медицины являются ЮАР, Египет и Нигерия. В дальнейшем в медицинское сотрудничество «Китай – Африка» вошли различные инфраструктурные проекты, заключающиеся в строительстве и передаче в дар сотен больниц и поликлиник с целью восполнить их нехватку. Кроме того, Китай направил в Аф-

рику военные медицинские подразделения в качестве поддержки миротворческих сил ООН.

Стоит отметить роль Китая в оказании помощи странам Западной Африки во время вспышки Эболы, когда самоотверженные китайские медицинские бригады, несмотря на необходимость работать в крайне опасных условиях, с готовностью откликнулись на всеобщий призыв ВОЗ оказать врачебную поддержку на местах. Более того, когда континент только начал оправляться от страшной лихорадки, Министерство здравоохранения Китая пообещало построить и оборудовать для Африки 100 новых медицинских учреждений⁵. В тот период был наиболее важен вопрос улучшения медицины за счет усиления диагностического потенциала лабораторий с целью предотвращения вспышек эпидемий в будущем.

Не менее значимым партнером Африки является Индия. Каким бы парадоксальным ни казалось участие Индии в международных программах здравоохранения, принимая во внимание значительные трудности в этой сфере на национальном уровне, государство все же продолжает делиться своими достижениями в области медицины. На сегодняшний день Индия остается лидирующим экспортером фармацевтической продукции в Африке. Большая доля торговли индийскими медикаментами с Африкой приходится на препараты по борьбе с ВИЧ-инфекцией. Лидером в этой сфере является индийская компания “Cipla Limited”⁶. Именно благодаря ей стоимость лечения пациентов антиретровирусными препаратами в Африке значительно снизилась. В 2008 г. в Уганде компания “Cipla” участвовала в создании предприятия по изготовлению антималярийных препаратов, которые чрезвычайно востребованы в Тропической Африке. Другим известным индийским фармацевтическим производителем в Африке является компания “Ranbaxy”⁷. Она представлена в большинстве местных аптек и медицинских учреждений, так как локализовала свое производство в ЮАР, что сделало ее препараты дешевле, нежели ввозимые из-за пределов континента. Создание таких производств в африканских странах дает стимул экономическому развитию, позволяет создать новые рабочие места.

Кроме того, лечение в Индии является качественным и доступным для африканцев. В Африке реализуется индийский проект по созданию единой системы оптоволоконной и электронной связи-ПАН (Pan-African e-Network project)⁸. Основная цель проекта заключается в предоставлении африканским странам возможностей дистанционного обучения, в том числе в сфере медицины. Через спутниковую связь и волоконно-оптические линии африканские страны соединяются с лучшими школами и больницами Индии. Проект помогает передавать многолетний медицинский опыт и навыки, особенно благодаря программам непрерывного медицинского образования (СМЕ), которые предоставляют обучение врачам и медсестрам отдаленных районов Африки.

Укрепляет связи с африканскими странами и Бразилия. Деятельность Бразилии в развитии системы здравоохранения стран Африки предполагает, что помощь такого рода может стать осно-

⁵ Китай построит в Африке 100 медучреждений [Электронный ресурс] // Politeca, 08.10.2015. <https://politeka.net/news/81365-ki-taj-postroit-v-afrike-100-meduchrezhdenij/>

⁶ Cipla [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cipla.com/>

⁷ Ranbaxy Laboratories Limited [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Ranbaxy_Laboratories

⁸ Pan-Africa e-network: India's Africa outreach [Электронный ресурс] // Ob-server Research Foundation, 04.05.2018. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/pan-africa-e-network-india-as-africa-outreach/>

вой для индустриального развития. Особое внимание страна уделяет португалоязычным странам, осуществляя с ними сотрудничество в сфере здравоохранения. Бразилия подписала с некоторыми африканскими странами соглашения в области охраны здоровья, среди которых Программа по контролю за диагностикой и распространением малярии, направленная на улучшение санитарно-эпидемиологической ситуации в Анголе, Кении, Камеруне, Гвинее-Бисау. Еще с 2006 г. в некоторых странах Африки действуют бразильские миссии по взаимодействию в борьбе с ВИЧ/СПИД. Бразилия, как и другие страны БРИКС, принимает участие в работе Глобального фонда по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией. Она перечислила в этот фонд 45 млн долл. (Китай – 16 млн долл., Индия – 10 млн долл.)⁹. Бразилия финансирует несколько специализированных центров здоровья на континенте. Так, при посредничестве Фонда Освальда Круза (FioCruz) – ведущего исследовательского учреждения Бразилии в области медицины, существующего уже более 110 лет, – Бразилия помогла создать в Мозамбике, где свыше 10% населения – носители ВИЧ-инфекции¹⁰, предприятие по производству лекарственных средств для лечения ВИЧ/СПИДа, малярии и других заболеваний. Более того, в рамках трехстороннего сотрудничества Бразилия стремится объединить усилия других стран, не входящих в БРИКС, в ряде проектов технической помощи для стран Африки. Осуществляя техническое сотрудничество в области здравоохранения с африканскими странами и гуманитарную деятельность, Бразилия заняла одно из лидирующих мест среди стран БРИКС по масштабам и характеру предоставляемой помощи.

В последнее время роль России в Африке также повышается. Выделяется несколько направлений сотрудничества России с африканскими странами в области здравоохранения: осуществление гуманитарной помощи, оказание помощи посредством участия в различных международных фондах и подготовка кадров. Так, с 2007 по 2013 г. Африке к югу от Сахары было предоставлено 29,5 млн долл., к северу от Сахары – 9,43 млн долл.¹¹ Россия вносила вклады в Глобальный фонд борьбы с ВИЧ/ СПИДом, туберкулезом и малярией, в программу Всемирного банка по борьбе с малярией в Африке. В фонд борьбы против эпидемии лихорадки Эбола в Западной Африке Россия внесла 30 млн долл. Поддерживая глобальные инициативы, РФ оказывает содействие развитию международных проектов в области здравоохранения. Несмотря на то что в настоящее время ее позиции по данному направлению весьма слабые, Россия, имея примером действия зарубежных коллег, осознает важность помощи странам Африки в сфере здравоохранения, которая является своеобразным рычагом влияния на страны континента.

Южная Африка не осталась в стороне от решения проблем здравоохранения стран Африки. Население ЮАР более других пострадало от ВИЧ-инфекции. В этой стране вирус туберкулеза имеет широкое распространение. Кроме того, имеет место совместное инфицирование этих вирусов. По этой причине проводимые в

⁹ Bliss K. Health in all Policies. Brazil's approach to global health within foreign policy and development cooperation initiatives // International Organizations Research Journal. 2011. Vol. 6. № 3. P. 83–95.

¹⁰ Мозамбик усилит меры в ответ на ВИЧ [Электронный ресурс] // ЮНЭЙДС, 08.12.2015. URL: http://www.unaids.org/ru/resources/press-centre/featuresstories/2015/december/20151208_Mozambique

¹¹ Россия как гуманитарный донор. Доклад ОКСФАМ, 27.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/dp-russia-humanitarian-donor-150713-ru.pdf>

стране исследования с целью разработки новых методов профилактики и лечения ВИЧ, повышения точности оценки распространения заболевания носят приоритетный характер для Министерства здравоохранения как на национальном, так и на глобальном уровне. Важен вклад ЮАР в развитие фармацевтической отрасли. Фирма «Аспен» (Aspen Pharmacare) является крупнейшим фармацевтическим производителем в Африке¹². В 2003 г. «Аспен» выпустила первый антиретровирусный препарат, разработанный и изготовленный в Африке. Такие препараты замедляют прогрессирование ВИЧ/СПИДа. Сегодня «Аспен» считается одним из ведущих мировых игроков в области производства антиретровирусных препаратов. Она поставляет фирменные фармацевтические препараты более чем 150 странам мира. «Аспен» имеет 18 фармацевтических производственных площадок на шести континентах: четыре находятся в Южной Африке, а также по одной в Танзании, Кении и других странах¹³.

Таким образом, можно сделать вывод, что сотрудничество стран БРИКС в системе охраны здоровья общества позволяет распространить свою деятельность на большую часть населения вне своих границ, в том числе и в Африке. Предоставление экономической помощи без обременения политическими условиями и внимание к нуждам этих государств, защита их интересов на международном уровне делают БРИКС заманчивой для Африки альтернативой Западу. Совещания министров здравоохранения, проходящие каждый год, говорят об укреплении сотрудничества между странами, которое способствует развитию глобального здравоохранения. Работа такого формата является ценной платформой для обмена опытом и совместной деятельности по решению основных проблем в области охраны здоровья. Страны-участницы признают, что участие в процессах общественного здравоохранения способствует формированию имиджа организации как участника международных отношений, вносящего вклад в создание общего благосостояния. Тем не менее масштабы влияния БРИКС во многом зависят от возможностей стран скоординировать свои стратегические действия в интересах развития и последовательно их воплотить.

¹² Four South African companies taking on the world [Электронный ресурс] // How we made it in Africa, 20.09.2014. URL: <https://www.howwemadeitinafrica.com/four-south-african-companies-taking-on-the-world/43690/>

¹³ Там же.

С.И. Барская

Реформы высшего образования в России и ЮАР в начале XXI в.

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме высшего образования в странах-участницах БРИКС – России и ЮАР. Выделяются и описываются характерные причины для реформирования данной сферы, проведенного двумя странами на стыке XX и XXI вв. Рассматриваются и сравниваются основные изменения в системах высшего образования. Автор проследил схожесть проблем и путей развития двух систем высшего образования – России и ЮАР, тем самым продемонстрировав перспективы данного направления в рамках БРИКС.

Ключевые слова: высшее образование, реформы высшего образования, ЮАР, Россия, БРИКС, Сетевой университет, XXI век.

Страны БРИКС, в число которых входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика, отличаются друг от друга не только социально-экономическим, политическим и культурным развитием, но и академическим. Все страны-участницы имеют уникальные традиции становления и развития систем высшего образования, основанных на опыте и истории своей страны и региона.

Каждая эпоха выдвигает новые требования. В начале XXI в., вступая в инновационное общество, мы снова столкнулись с реформированием системы образования. В последнее время наблюдается ориентированность развития высшего образования разных стран, в том числе членов БРИКС, на западноевропейские и североамериканские страны, которые существуют в совершенно иной социально-экономической, политической и культурной среде.

Необходимость отвечать потребностям и проблемам на национальном и локальном уровнях мотивировала страны БРИКС, в частности Россию и ЮАР, в начале XXI в. начать проведение реформ в сфере образования, в особенности высшего.

Для достижения успешного результата развиваются межгосударственные связи. В рамках БРИКС принято решение о создании программы совместного Сетевого университета (BRICS Network University).

В данной статье автор ставит задачу сравнительного анализа причин изменений в системах высшего образования в России и ЮАР стран-участниц БРИКС. Также рассматривается, как реализуется программа Сетевого университета между этими двумя государствами. Следует отметить, что в данной статье не прослеживаются региональные и местные причины необходимости реформирования систем высшего образования в России и ЮАР. Но исследования продолжаются, и в будущих работах эта лакуна будет заполнена.

На первый взгляд может показаться, что проблемы в образовании России и ЮАР мало похожи. Тем не менее они имеют много общего. Какие задачи поставлены перед современным высшим образованием в этих странах?

Во-первых, интеграция в глобальную систему образования и взаимосвязь с ведущими странами Европы и США¹.

Историческое прошлое России и ЮАР способствовало складыванию особых научных и академических традиций. Нарушение этих процессов в стремлении быть признанными в мировом сообществе может привести к печальным последствиям.

В частности, в системе образования России и ранее Советского Союза практикуется и практиковался подход к обучению студентов-историков от общего к частному. В ходе первичного ознакомления с материалом учащимся предлагается проследить общие и закономерные тенденции основных процессов выбранного периода. Также немаловажный упор делается на проведение причинно-следственных связей и параллелей не только с другими эпохами, но и странами и регионами.

К сожалению, в рамках данной статьи автор не имеет возможности рассмотреть ситуацию в разных сферах образования в ЮАР. Для этого требуются более тщательный анализ и проведение полевых исследований. Автор надеется на то, что в будущем получится более детально осветить эту тему.

В Европе и США проводится другая политика, ориентированная не на получение фундаментальных, широких знаний, в данном случае по исторической дисциплине, а на углубленное изучение конкретных, узких проблем.

Эти различия связаны с целями обучения. Так, в России высшее образование в основном ориентировано не только на выпуск высококвалифицированных кадров, но и на обучение будущих ученых. В странах Европы и США существуют другие приоритеты. Это подготовка узкопрофильных работников в короткие сроки².

Тем не менее развитие взаимосвязей и совместных проектов со странами Европы и США могут быть полезными для обеих сторон, несмотря на всю сложность установления и развития этих отношений. Но при этом не стоит увлекаться излишним реформированием и изменением уже работающих систем образования как в России,

¹ Михальченко Н.А. Реформы высшего образования в странах БРИКС: вестернизация или поиск собственного пути // Власть. 2017. Т. 25. № 7. С. 167–169.

² Русских Л.В. Реформа образования в России: промежуточные итоги [Электронный ресурс] // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-obrazovaniya-v-rossii-promezhutochnye-itogi>

так и в ЮАР. Также не стоит забывать, что развитие отношений по линии высшего образования вполне может проводиться не только с вышеперечисленными странами, которые считаются мировыми лидерами в данной сфере, но и со странами из других регионов, например Азии, Африки, Латинской Америки и Австралии.

Во-вторых, относится к определяющим приоритетам и обеспечение быстро развивающейся экономики научными исследованиями и высококвалифицированными кадрами³.

Стоит отметить, что проблема состоит не в том, что вузы выпускают недостаточное количество специалистов, а в том, что каждый день рождаются и создаются новые сферы, требующие современных продвинутых знаний. К сожалению, в наше время многие выпускники не находят или не хотят находить способы заработка по профессии, а продолжение продвижения по академической лестнице считают для себя недостаточно перспективным и интересным. Зачастую это приводит к тому, что человек по окончании университета или института начинает заниматься совершенно иной сферой деятельности. Для получения новых знаний ему, естественно, понадобится время. Но существует большое число направлений, где сложно самостоятельно приобрести знания, чтобы стать высококвалифицированным специалистом. В данном списке такие востребованные профессии, как «биолог», «химик», «врач», «инженер», «физик» и т. д. В данном случае перед государством в области высшего образования стоят такие задачи, как обеспечение студентов современными знаниями, возвращение интереса к будущей профессии, предоставление возможностей практического применения полученных знаний.

В-третьих, в эпоху использования более сложных, чем когда-либо, технических средств возрастает необходимость в переподготовке кадров, изменениях в подготовке будущих специалистов всех отраслей. Именно по этим причинам в современном мире развитие высшего образования признается ключевым фактором для глобального и национального развития.

Далее рассмотрим, какие совместные мероприятия были проведены странами-участницами БРИКС в сфере высшего образования для решения вышеперечисленных глобальных проблем.

Основной целью развития взаимного сотрудничества является расширение взаимосвязей между странами-участницами БРИКС в академической сфере. Программа призвана решить задачу создания объединенного исследовательского университета мирового уровня⁴.

В рамках БРИКС создана платформа под названием «Сетевой университет», призванная объединить профессорско-преподавательский состав и студентов для решения задач и проблем, поставленных перед странами-участницами.

Основание Сетевого университета относится к ноябрю 2015 г., когда министры образования пяти государств подписали декларацию о сотрудничестве «Меморандум взаимопонимания»⁵. Это является основным учредительным документом Сетевого университета БРИКС⁶.

³ Астратова Г.В. Проблемы и тенденции развития рынка услуг высшего образования в России [Электронный ресурс] // Дискуссия. 2016. № 9 (72). С. 17–18.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-tendentsii-razvitiya-rynka-uslug-vysshego-obrazovaniya-v-rossii>

⁴ Сетевой университет БРИКС будет создан в ноябре [Электронный ресурс] // РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/society/20151110/1318193756.html>

⁵ Министры образования Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР учредили Сетевой университет БРИКС [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: <https://минобрнауки.рф/c/новости/6841>

⁶ Министры образования подписали основной документ университета БРИКС [Электронный ресурс] // РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/society/20151118/1323456809.html>

Стоит отметить, что меморандум подписан не во время официального саммита, проходившего в июле 2015 г. в Уфе. Также и все последующие конференции проводились не в официально заявленные даты саммита. Статистика встреч показывает, что обычно министры высшего образования предпочитают собираться до основного мероприятия, в то время как встречи между представителями БРИКС проходят весь год на территории страны, где происходят основные и самые важные мероприятия саммита.

Сетевой университет (BRICS Network University, также BRICS NU) – это объединение ведущих вузов стран-участниц БРИКС для совместной реализации актуальных образовательных программ, подготовки преподавателей и ученых и проведения совместных научных исследований. Он призван создать единое исследовательское и образовательное пространство.

По замыслу создателей, студент, участвующий в программе Сетевого университета, сможет учиться в разных странах, проходя различные ступени образования, начиная с магистра.

Обратимся к хронике уже состоявшихся конференций, обращая внимание на основные заявленные темы.

Первая конференция БРИКС, посвященная уже основанному Сетевому университету, была проведена в России в Екатеринбурге в апреле 2016 г. В основном мероприятие было посвящено концептуальным основам и принципам формирования Сетевого университета БРИКС. Конференция также официально оформила членство Сетевого университета в БРИКС путем подписания протокола представителями университета.

Вторая конференция прошла в Китайской Народной Республике в провинции Чжэнчжоу в период с 1 по 3 июля 2017 г. Основной темой стало «Прагматическое сотрудничество и международное образование» (“Pragmatic Cooperation and International Education”). На конференции большое внимание было уделено структуре управления Сетевым университетом БРИКС, включая доработку документов и соответствующей нормативной базы.

В этом году с 5 июля по 7 июля Южная Африка принимала третью конференцию БРИКС, посвященную Сетевому университету⁷. Конференция была организована Южноафриканским министерством высшего образования и профессиональной подготовки (South African Ministry of Higher Education and Training) совместно со Стелленбосским университетом. Основным местом проведения мероприятия было здание им. Ван дер Стеерра (Van der Sterr Building) на территории кампуса университета. Главной темой конференции в этом году стало «Открытие партнерских отношений между университетами БРИКС: возможности и вызовы в образовании после бакалавриата» (“Unlocking BRICS Universities’ Partnerships: Postgraduate Education Opportunities and Challenges”). Главными целями являлись доработка и консолидация образовательной повестки БРИКС. Также стороны стремились выделить стратегические направления исследований для сотрудничества в рамках БРИКС с целью получения сравнительного преимущества в глобальной системе знаний. Сквозной темой всех выступлений,

⁷ BRICS Network University Conference [Электронный ресурс] // Department: Higher Education and Training. Republic of South Africa. URL: <https://www.bricsnetworkuniversityconference.co.za>

по данным официального сайта БРИКС, был призыв к реальному сотрудничеству Сетевого университета в рамках магистерских и докторских программ.

Теперь перейдем к рассмотрению положения Сетевого университета на сегодняшний день, анализируя структуру и последние события, освещенные в прессе, на официальных сайтах самого учреждения и других электронных платформах, связанных с конференциями⁸.

В программе Сетевого университета от каждой страны представляется от 5 до 12 лучших университетов.

Со стороны России также участвуют 12 вузов, в число которых входят такие московские университеты, как МГУ, ВШЭ, МГИМО, МФТИ, РУДН, МЭИ, МИСиС, Санкт-петербургские – СПбГУ, ИТМО, а также томские – ТПУ, ТГУ и екатеринбургский – УФУ.

Со стороны ЮАР в Сетевой университет также входит 12 вузов, включая Центральный технический университет (Блумфонтейн) (Central University of Technology), Дурбанский технический университет (Durban University of Technology), Северо-Западный университет (Потчеструм) (North West University), Университет Родса (Грэхэмстаун) (Rhodes University), Стелленбосский университет (Stellenbosch University), Технический университет Тшване (Претория) (Tshwane University of Technology), Университет Кейптауна (University of Cape Town), Университет Йоханнесбурга (University of Johannesburg), Университет Лимпопо (University of Limpopo), Университет Претории (University of Pretoria), Университет Венда (University of Venda), Университет Витватерсранда (University of Witwatersrand).

Основные приоритетные программы принадлежат к пяти направлениям. Это энергетика, компьютерные науки и информационная безопасность, экология и изменение климата, водные ресурсы, а также экономика.

В 2016 г. замглавы Министерства образования и науки РФ Людмила Огородова объявила, что первая образовательная программа в рамках Сетевого университета БРИКС будет запущена в 2017 г.⁹ Тем не менее уже идет 2018 г., а в прессе так и не было освещено начало работы данного учреждения. Также не дано никакой информации по этой теме в других источниках.

Пока на официальном сайте Сетевого университета есть только одно предложение участия в Центре исследований БРИКС (Center for BRICS studies) – при Университете Фудань, Китай. Были приглашены студенты, аспиранты и младшие научные сотрудники из стран БРИКС на обучение в Шанхайской летней школе 2018 г. в период с 12 июля по 7 августа. Месячная программа состояла из трех модулей: «Глобальное управление и сотрудничество между БРИКС», «Политика и дипломатия Китая», «Счастливым в Шанхае». Было предоставлено 50 мест, 30 из которых должны были профинансировать сами участники.

Министры образования стран БРИКС, выступая на третьей конференции, посвященной Сетевому университету, относятся к программе позитивно. Цитируем речь, произнесенную на встрече.

⁸ BRICS NETWORK UNIVERSITY [Электронный ресурс]. URL: <https://nu-brics.ru>

⁹ Первая программа Сетевого университета БРИКС стартует в 2017 году [Электронный ресурс] // РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/world/20160930/1478224781.html>

С речью выступали министр образования ЮАР, уважаемая Грейс Мандиса Наледи Пандор, которая имеет степень магистра общего языкознания (1977) и почетную докторскую степень Стелленбосского университета (2013)¹⁰: «Если мы будем работать вместе эффективно и целенаправленно, мы сможем достичь нашу цель стать мощной силой роста, развития и открытий. У нас есть огромный потенциал для укрепления существующих прочных политических и экономических связей между нашими странами»¹¹.

Если еще раз вспомнить причины реформирования образования в начале XXI в. в России и ЮАР, то мы увидим, что при успешной реализации данной программы вышеназванные проблемы могут быть решены, могут быть развиты новые направления в системах высшего образования, в частности в России и ЮАР.

Таким образом, программа Сетевого университета медленно, но продолжает свою работу. Тем не менее это только развивающееся направление в рамках БРИКС. Следует отметить, что до сих пор не определены многие моменты. Скорее всего, процесс быстрее не пойдет, так как встречи проводятся хоть и регулярно, но достаточно редко. Следующий саммит БРИКС состоится в Бразилии.

Все представленные сведения о Сетевом университете были взяты из официальных документов, находящихся в свободном доступе, СМИ, а также с официального сайта Сетевого университета и других электронных ресурсов, посвященных ему. Как можно заметить, данных о развитии и работе очень мало, а «следов» деятельности программы – меньше. Это свидетельствует об еще малой эффективности и, возможно, небольшой заинтересованности стран-участниц БРИКС.

Подводя итог, хочется еще раз подчеркнуть, что проблемы, затронутые в начале работы, являются глобальными, а значит и относящимися и к странам-участницам БРИКС. Что касается России и ЮАР, то они находятся на стадии уже принятых, но еще реализующихся реформ. Участие в программе Сетевого университета, безусловно, может помочь и другим участникам БРИКС в достижении заметных результатов в академической сфере. Главное, чтобы они не останавливались в развитии и улучшении своих систем образования, в особенности высшего.

¹⁰ Grace Naledi Mandisa Pandor [Электронный ресурс] // South African History Online. URL: <http://www.sahistory.org.za/people/grace-naledi-mandisa-pandor>; Government Leaders [Электронный ресурс] // South African Government. URL: <https://www.gov.za/about-government/leaders/profile/1083>

¹¹ BRICS universities can help solve developmental challenges – Minister Naledi Pandor [Электронный ресурс] // Stellenbosch University. URL: <https://www.sun.ac.za/english/Lists/news/DispForm.aspx?ID=5752>

ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПЕРСОНАЛИЗМА И ИМПЕРСОНАЛИЗМА

УДК 004(510)
ББК 32.81(5Кит)

А.А. Елисеева

Информатизация в Китае: плюсы и минусы

В данной статье рассматривается влияние информационных технологий на различные аспекты жизни в КНР. Частные ИТ-компании совместно с правительством КНР разработали систему рейтингов, которые отслеживают действия китайских граждан и начисляют им баллы в зависимости от их поведения. Автор проанализировал рейтинговую систему и ряд других интернет-проектов, имеющих наибольшее значение для внутривнутриполитического курса КНР, выявив в результате основные тенденции стремительного развития ИТ-сферы в КНР, среди которых наблюдаются не только однозначно положительные для экономического роста страны, но и те, которые могут негативно воздействовать на социум.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, КНР, внутривнутриполитический курс, информационные технологии, система рейтинга.

Китай совсем недавно вышел на мировой рынок информационных технологий и довольно быстро смог укрепить свои позиции. Сегодня информатизация в Китае ассоциируется с новейшими технологиями, гигантскими технопарками, электронной торговлей и другими успехами в сфере ИТ. Что же способствовало такому впечатляющему развитию рынка информационных технологий КНР?

В конце 1970-х гг., при фактическом руководителе КНР Дэн Сяопине, первым существенным шагом на пути к созданию собственной высокотехнологичной отрасли стала инициатива 1985 г., положившая начало тесному взаимодействию между прежде работавшими исключительно по государственному заказу научно-исследовательскими центрами и непосредственными производителями¹. В 1986 и 1988 гг. были запущены такие проекты, как «План 863» и «Факел»², основными задачами которых являлись догоняющее развитие высоких технологий в сфере ИТ и внедрение новых технических разработок на производстве. В соответствии с этими

¹ Завьялова О. Культура. Китаезычный ареал Азии в эпоху информационных технологий // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 1. С. 157–167.

² Евдокимов Е. Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. 2011. № 1. С. 74–83.

программами были созданы целые промышленные зоны развития науки и технологий. Первая такая зона появилась в Шэньчжэне в 1980-х гг. При опоре на положительный опыт Шэньчжэня были созданы технопарки в Пекине (китайская «силиконовая долина» – Чжунгуаньцунь), Шанхае, Сучжоу и во многих других городах. Сейчас на территории Китая насчитывается более 150 технопарков³.

Однако основная поддержка внутреннего рынка ИТ заключалась не только в финансовом плане, но и в защите от иностранных конкурентов. Согласно специальному закону «О техническом договоре» 1987 г.⁴, чтобы выйти на китайский рынок, иностранной компании нужно было создать совместное предприятие с различными льготами со стороны государства взамен на внедрение передовых разработок в ИТ Китая.

В 1990-е гг. на китайский рынок потянулись такие компании, как Motorola, IBM, Microsoft и др. Это было взаимовыгодное сотрудничество, так как молодые китайские ученые могли получать ценный опыт, а иностранным компаниям открывался доступ на необъятный китайский рынок. К 2005 г. в Китае насчитывалось уже более 180 инвестиционных компаний⁵, активно вкладывающих средства в расцветающие информационные и коммуникационные технологии. Только в технопарки было привлечено более чем 60 млрд долл. иностранных инвестиций⁶.

Помимо этого, стимулировалось внедрение и развитие информационных технологий в банковском секторе, международной торговле и национальной сети коммуникаций. В Китае сектор ИТ стал иметь еще большее значение, поэтому в 1998 г. было принято решение о создании Министерства информационной промышленности, которое было расширено в 2008 г. и переименовано в Министерство промышленности и информатизации КНР, для усиления стимулирования развития информационных технологий и модернизации промышленности путем внедрения последних технологических наработок⁷. В настоящее время министерство контролирует телекоммуникации, СМИ, информационные технологии и Интернет.

Сегодня как китайское политическое руководство, так и интеллектуальная и деловая элиты расценивают информатизацию как один из ключевых факторов радикального повышения качества комплексного развития страны.

Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян 3 марта 2015 г. на открытии 3-й сессии 12-го созыва Всекитайского собрания народных представителей заявил о курсе на формирование и развитие в стране стратегии «Интернет+»⁸, опирающейся на всеобъемлющее и всестороннее использование информационных сетей для развития общества.

Как указано в «39-м Докладе о развитии интернета в Китае»⁹, на декабрь 2016 г. число зарегистрированных пользователей сети Интернет в Китае составило 731 млн человек (на сегодня примерно 770 млн), что равняется числу всего населения Европы. Степень охвата населения Интернетом к концу 2016 г. достигла 53,2%, что на 3,1% выше общемирового и на 7,6% выше общеазиатского показателя. Важно, что количество пользователей, входящих в сеть

³ Интервью представителя Сколково в Китае Евгения Косолапова для проекта «Технологическая волна в России» [Электронный ресурс] // Платформа. URL: <http://pltf.ru/2018/07/23/predstavitel-skolkovo-v-kitae-evgenij-kosolapov-br-innovacii-v-kitae-vopros-vyzhivaniya-gosudarstva/>

⁴ Ибрагимова Г. Стратегия КНР в области управления Интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. №1 (104). С. 170–184.

⁵ Завьялова О. Указ. соч. С. 158.

⁶ Там же.

⁷ Кирюхина А.А. Дракон в сети: интернет с китайской спецификой // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2014. № 3. С. 59–64.

⁸ Пиковер А.В. Информатизация и электронная коммерция в Китае // Восточная аналитика. 2017. № 4. С. 60–66.

⁹ Там же. С. 60.

с мобильных телефонов, достигло 95,1%. Очевидно, у пользователей сформировалась привычка к мобильным платежам оффлайн. Все сильнее становится связь онлайн- и оффлайн-платежей. В 2016 г. в КНР масштаб платежей при помощи мобильных телефонов достиг объема 469 млн юаней, поднявшись за год на 31,2%¹⁰. Процент использования мобильных телефонов для онлайн-платежей за 2016 г. вырос среди пользователей сети с 57,7 до 67,5%. 50,3% пользователей сети использовали мобильные телефоны для совершения платежей в обычных (не интернет-) магазинах. Так, в 2009 г. оборот электронной коммерции в государстве превысил 500 млрд юаней (75 млрд долл.), что в два раза больше, чем оборот между РФ и Китаем. Масштаб использования компьютеров на предприятиях достиг 99%, а использование Интернета – 95,6%¹¹. Таким образом, наблюдается почти полное насыщение предприятий как компьютерной техникой, так и интернет-доступом.

Можно сделать вывод, что КНР добился очень высоких достижений в сфере ИТ, и это еще далеко не предел. Сейчас Китай является сильным конкурентом США и Японии в сфере искусственного интеллекта и разработки связи 5G. Доля США на рынке искусственного интеллекта сегодня превышает 40%, доля Китая недавно перешагнула предел 20%, но самое интересное в том, что еще десять лет назад США занимали 80%, а доля Китая не превышала и 1,2%¹². Таким образом, позиции Китая на рынке высоких технологий с каждым годом только крепнут.

Можно уверенно сказать, что Китай является мировым лидером на рынке ИКТ, однако не все западные государства поддерживают политику информатизации в Китае. Как уже говорилось ранее, сегодня информатизация стала одним из ключевых факторов развития Китая. Правительство КНР постепенно осуществляет политику информатизации всех общественных процессов в стране, однако специфика такой политики определяется крайне высокой степенью вмешательства и административного контроля над частной жизнью населения.

В чем же проявляется этот контроль? На территории КНР существует регламент, в соответствии с которым, чтобы стать интернет-пользователем, физическое лицо должно пройти проверку в отделении полиции по месту жительства, а затем уже предоставить провайдеру справку определенного образца. После регистрации пользователь автоматически ставится на учет. На сегодня насчитывается примерно 800 млн активных онлайн-пользователей¹³. Достаточно сложен и процесс регистрации юридических лиц. Каждый онлайн-ресурс должен обладать лицензией, которую можно получить в Министерстве промышленности и информатизации, пройдя перед этим ряд административных процедур.

Задача регулирования интернет-контента в Китае возложена на Государственное управление по делам радиовещания, кинематографа и телевидения. Именно эта организация посылает распоряжение провайдерам на блокировку запрещенных ресурсов, содержащих порнографический контент, призыв к террористической деятельности, оскорбления человеческого достоинства, критику

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Запольскис А. Искусственный интеллект: главная битва 21 века [Электронный ресурс] // ИА Rex. URL: <http://www.iarex.ru/articles/58074.html>

¹³ В Китае число интернет-пользователей превысило 800 миллионов человек [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20180822/1526980024.html>

руководства страны и в целом политической ситуации в Китае. Например, не раз блокировался сайт Wikipedia из-за описания событий на площади Тяньаньмэнь 1989 г.¹⁴ Специальные фильтры также блокируют доступ к зарубежным сайтам, где ключевыми словами поиска являются «Тибет», «Тайвань» и т. д. Блокировку доступа к интернет-ресурсам осуществляет «Золотой щит» («Великий китайский файрвол»). Этот проект начал разрабатываться еще в 1998 г. и был запущен в 2003 г.¹⁵ Основная цель проекта – выявление и «фильтрация» недопустимых сайтов. В рамках проекта под запретом оказались следующие сайты: Google, Facebook, Youtube, Twitter, Instagram, Вконтакте и др. Несоблюдение правил «файрвола» провайдерами может повлечь огромный штраф или пожизненное изъятие лицензии.

В 2014 г. в Госсовете КНР был опубликован документ «Программа создания системы социального кредита доверия (2014–2020 гг.)»¹⁶. Китай стремится создать общество, в котором должны превалировать такие положительные качества, как честность. И проявляться они должны как в поведении в интернет-пространстве, так и в семье. Для развития этого качества и создана система социального кредита, где каждому будет присвоен рейтинг и в зависимости от того, соблюдается ли закон, осуществляется ли своевременная выплата кредитов и т. д., баллы будут начисляться или, наоборот, вычитаться. В сентябре 2016 г. правительство выпустило уточненный перечень санкций, которым будут подвергнуты обладатели низкого рейтинга:

- запрет на работу в госучреждениях;
- отказ в соцобеспечении;
- особо тщательный досмотр на таможне;
- запрет на руководящие должности в пищевой и фармацевтической промышленности;
- отказ в размещении в люксовых гостиницах и ресторанах;
- запрет на обучение детей в дорогих частных школах¹⁷.

Сегодня участие в китайской системе социального рейтинга является добровольным. На сегодня она работает в пробном режиме не более чем в трех десятках городов Китая¹⁸. Но к 2020 г. система станет обязательной. Действия каждого гражданина и юридического лица (то есть каждой компании) в КНР будут оцениваться, хотя бы они этого или нет.

Но прежде чем повсеместно в Китае запустить систему рейтингов, частными компаниями был создан проект для определения гражданского рейтинга. Sesame Credit, дочерняя компания Ant Financial Services Group (AFSG), в партнерстве с другими крупными компаниями Китая, специализирующимися в сфере сетевых технологий, разработала проект социальной рейтинговой системы Social Credit Score (SCS). У этой системы более 400 млн пользователей¹⁹, которым начисляются баллы в зависимости от их поведения. Sesame Credit сотрудничает с сервисами, которые поставляют большое количество данных о пользователях и на их основе вычитают рейтинг. К примеру, к ним относятся сервисы знакомств в Интернете. Как происходит оценка пользователя? Пользователи

¹⁴ Кирюхина А.А. Указ. соч. С. 59.

¹⁵ Там же. С. 61.

¹⁶ Ковачич Л. Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру [Электронный ресурс] // Московский Центр Карнеги. URL: <https://carne-gie.ru/commentary/71546>

¹⁷ Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953b-b9a79477c8a7c08a7>

¹⁸ Ковачич Л. Указ. соч.

¹⁹ Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга...

оцениваются по шкале от 350 до 950 баллов²⁰, при подсчете которых используются пять факторов: кредитная история человека, исполнительность, персональные данные (их подтверждение), поведение и предпочтения, отношения с другими людьми. Но существуют тенденции к расширению контролируемых сфер в связи с определенной заинтересованностью частных компаний в участии в социальном «мониторинге». То есть не только сфера банковских кредитов и интернет-торговли, но и даже выбор вещи для покупки или выбор круга общения могут быть отнесены к контролируемым сферам. Например, Alibaba судит о людях по тому, что они покупают: если только играть в видеоигры или есть пиццу в «неумеренных» количествах, то можно получить минус в свой рейтинг, а если совершать частые покупки для своих детей, то пользователь – ответственный родитель, плюс в его рейтинг заработан. На рейтинг влияет также поведение друзей пользователя. Если он даже и не был задействован в проступке своего друга, все равно рейтинг понизится у обоих.

В 2020 г. система рейтинга станет обязательной²¹, и поэтому наказания могут значительно ужесточиться. Согласно меморандуму «Механизмы предупреждения и наказания людей, склонных к нарушению доверия», люди с низким рейтингом не смогут претендовать на социальные льготы, взять что-то в аренду, выезжать за границу, устроиться на определенные должности и даже получить высшее образование. Несмотря на то что пока система кредита доверия используется на добровольных основах, она уже негативно сказалась на гражданах, задействованных в ней. Так, в феврале 2017 г. Верховный народный суд Китая сообщил, что 6,15 млн граждан получили запрет на вылет из страны в течение следующих четырех лет из-за выявленных этой системой нарушений²².

Таким образом, политика информатизации в Китае проводится весьма интенсивно, уже сегодня можно наблюдать различные результаты ее применения в сфере политики, экономики, социальной жизни и т. д. Однако в рамках успешной информатизации усиливается и чрезмерный контроль над китайским обществом. Насколько будет эффективна дальнейшая политика информатизации в виде системы контроля и оценки населения? В каком направлении будет развиваться эта система и сможет ли получить одобрение во всем мире? Уже сейчас можно наблюдать, как информатизация в Китае приносит технологические успехи и становится одним из новых способов контроля общества. Однако эти тенденции примут еще более ясные и недвусмысленные характеристики с последующим осуществлением обязательности всеобщего участия в системе социального рейтинга.

²⁰ Большой брат с большими данными: как в Китае вводят индивидуальный рейтинг граждан [Электронный ресурс] // Rusbase. URL: <https://rb.ru/story/social-credit-score/>

²¹ Там же.

²² Там же.

Abstracts

S.I. Barskaya

Higher education reforms in Russia and South Africa at the beginning of the XXI century

The article is devoted to the currently relevant problem of higher education in the BRICS countries – Russia and South Africa. The characteristic reasons for reforming this sphere carried out by the two countries at the junction of the XX and XXI centuries are identified and described. The main changes in higher education systems are reviewed and compared. The author traced the similarity of problems and ways of development of two higher education systems – Russian and South African, demonstrating the prospects of this direction in the framework of BRICS.

Keywords: higher education, higher education reforms, South Africa, Russia, BRICS, Network University, XXI century.

D.A. Chubarov

Arab-Muslim sources about the Kingdom of Jerusalem in 1099–1048 in the context of intercultural communication

The article observes intercultural communication in the Kingdom of Jerusalem between the First and the Second Crusades. Arab sources allow to trace the integration of crusader states into military, cultural and political life of the Middle-East region. The image of “permanent war” of the Crusaders with the Muslims is questioned.

Keywords: crusades, Kingdom of Jerusalem, christianity, islam.

A.A. Eliseeva

Informatization in China: the pros and cons

This article discusses the impact of information technologies on various aspects of life in the PRC. Private IT companies and the Chinese government have developed a rating system that tracks the actions of Chinese citizens and gives them points depending on their behavior.

The author analyzed the rating system and a number of other Internet projects that are the most important for the internal political course of China and identified the main trends in the rapid development of the IT sphere in China, among which are not only uniquely positive for the economic growth of the country, but also those that can impact on society with negative results.

Keywords: South-East Asia, China, domestic policy, information technology, rating system.

S.Y. Fahmy

Islam in politics of Gamal Abdel Nasser

The author raises the question of the attitude of the Egyptian leader (and wider Arab) of national movement G.A. Nasser to religion in the context of the formation (by the time of the 1950s) of a cohesive group of supporters of the country transformation, who believed that the path to it passes through the acquisition of genuine independence and the elimination of the monarchy, in which they saw almost the main obstacle to the “New Egypt” construction. The significant part of these society, first of all, G.A. Nasser did not belong to the leading families headed the Egyptian elite traditionally. On the contrary, they came from lower social strata and used military service as a social elevator. In particular, G.A. Nasser and his supporters should have been religious. However, their religiosity and great patriarchy did not prevented them from the realization of modernization processes.

Keywords: G.A. Nasser, islam, arabism, Egyptian identity, modernization.

M.V. Gracheva

Traditional medicine in the modern healthcare system of South Africa

Traditional medicine plays an important role in the modern healthcare system of sub-Saharan Africa, and South Africa is no exception. Its representatives – traditional healers often provide first aid to the population, so they have a certain value for the state. This article discusses what the traditional medicine is, what are the reasons for referring to it, and how the South African government is trying to integrate traditional medicine into the modern healthcare system.

Keywords: South Africa, traditional medicine, traditional healers, sangoma, health, health care, HIV.

A.C. Ivanov

The musical aspect of western culture
in the Islamic Republic of Iran in terms
of the dominant political regime

The article gives an overview of the development of the musical aspect of hip-hop culture in Iran. It also examines the change in the position of the official authorities on this issue with the various leaders of the state, and provides incidents and facts that demonstrate it.

Keywords: Iran, music, hip-hop, culture, censorship.

M.V. Konokhova

Development of the healthcare system
in the BRICS countries

The article highlights the issues of cooperation of the BRICS countries in the field of health. It is noted that mutual projects in this area are expanding with the development of political interaction. Each country that is a member of the union has its own system, however, working together on the programs that take into account not only their own experience has a positive effect on reducing the risk of disease and mortality. First of all, attention is paid to programs to struggle HIV/AIDS, tuberculosis, and malaria.

Keywords: BRICS, HIV, tuberculosis, ecology, public health, modern medicine.

E.V. Lobashova

Fashion as an element of identity in Africa

The problem of identity in Africa is actualized today due to cardinal changes of modern Africans life. This article studies the influence of modern fashion on the identity of Africans as well as trends of the return of African people to the traditional costume. The significance of the costume as an identification mechanism determines the interest in studying it, because of bearing the codes of not only the traditional culture, but also the global consumer culture, that unite and create a kind of “biculturalism” sometimes.

Keywords: Africa, identity, fashion, costume, clothing, traditions, culture, biculturalism.

M.Yu. Nizhnik

The Lebanese Maronite community
at the early stage of the Arab-Israeli conflict

This article examines the contacts between some leaders of the Lebanese Maronite community, on the one hand, and the leaders of the Jewish-Palestinian community (hereinafter Israel), on the other hand, in the period from 1930s to the end of the 1940s. It gives an analysis of the documents concerning the existence of these contacts, the reasons for them, the goals of the representatives of the Maronite community and the Zionists (leaders of Israel). The conclusion provides an assessment of the nature of these relations and their significance for both sides.

Keywords: Lebanon, Israel, Christians, Maronites, Arab-Israeli conflict, Zionism.

M.S. Osipova

Funk Carioca as a tool of resistance
and identity construction for Brazilian favel youth

The article discusses the cultural phenomenon of “funk carioca”, which originated in the favelas of Rio de Janeiro and soon became the most popular musical genre among the youth of the Brazilian periphery. A brief historical overview of the phenomenon of the Brazilian favela is given and the sociocultural characteristics of the favelas are considered, in the context of which the funk carioca has developed and spread.

Keywords: Brazil, Rio de Janeiro, periphery, favela, funk carioca, youth, cultural resistance.

N.A. Panin

Afrikaner National Identity: Rethinking
in the context of the multicultural environment
of post-apartheid South Africa

The article discusses the main components of the Afrikaner national identity today. The modern multicultural environment of post-apartheid South Africa determines them largely. However, self-determination of the members of the Afrikaner community gains significance because of the actual discussions. On the one hand, it is guided by the tradition that includes the memory of apartheid, on the other, it takes on new forms.

Keywords: Afrikaans, Afrikaners, South Africa, Afrikaners, national identity.

Сведения об авторах

Барская София Ильинична – студентка Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Грачева Маргарита Викторовна – студентка Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Елисеева Александра Андреевна – студентка факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Иванов Андрей Сергеевич – студент факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Конохова Мария Вадимовна – студентка Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Лобашова Екатерина Витальевна – студентка Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Нижник Мария Юрьевна – студентка факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Осипова Марианна Сергеевна – специалист в области международных отношений Московского гуманитарного университета, магистр искусств в области культурного менеджмента (Манчестерский университет)

Панин Никита Алексеевич – студент факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

Фахми Сандра Юсри – студентка факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Чубаров Денис Арефович – выпускник факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

General data about the authors

Barskaya Sofia I. – student of the Institute of Asia and Africa countries, Lomonosov Moscow State University

Chubarov Denis A. – graduate of the Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities

Eliseeva Alexandra A. – student of the Faculty of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities

Fahmy Sandra Yu. – student of the Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities

Gracheva Margarita V. – student of the Institute of Asia and Africa countries, Lomonosov Moscow State University

Ivanov Andrew S. – student of the Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities

Konokhova Maria V. – student of the Institute of Asia and Africa countries, Lomonosov Moscow State University

Lobashova Ekaterina V. – student of the Institute of Asia and Africa countries, Lomonosov Moscow State University

Nizhnik Maria Yu. – student of the Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities

Osipova Marianna S. – specialist in international relations, Moscow University for the Humanities, Master of Arts in Cultural Management (Manchester University)

Panin Nikita A. – student of the Faculty of International Relations, Moscow State Institute of International Relations

Корректор *Н.К. Егорова*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Электронная версия издания
gumakcentrggu.ru

Подписано в печать 25.03.2019
Формат 60×90^{1/8}
Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,5.
Тираж экз. Заказ № 459

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6